

Владимир Козлов

Горькое молоко — 2

Вальтер. Кофе от баронессы Кюцберг

Владимир Козлов

**Горькое молоко – 2. Вальтер.
Кофе от баронессы Кюцберг**

«Издательские решения»

Козлов В.

Горькое молоко – 2. Вальтер. Кофе от баронессы Кюцберг /
В. Козлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831214-4

Главный герой книги, Владимир Колчак, из рода Беды. Отсидев приличный срок на зоне, он не ударится в криминал, как пророчили ему многие друзья. Этого по жизни молодого и жизнерадостного авантюриста будет пытаться засадить вновь за решётку один из нечистоплотных сотрудников милиции. Чем обернётся противостояние, читатель узнает, прочитав эту захватывающую книгу.

ISBN 978-5-44-831214-4

© Козлов В.
© Издательские решения

Содержание

Вальтер	6
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Горькое молоко – 2 Вальтер. Кофе от баронессы Кюцберг

Владимир Козлов

© Владимир Козлов, 2017

ISBN 978-5-4483-1214-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Козлов, родился в 1950 году в Горьком, ныне Нижний Новгород. Всю жизнь посвятил спорту. Большой жизненный опыт привёл его к литературной деятельности. Автор романов Хвост Фюрера, Танго скорпионов, Седьмое небо, Родиться Царём и других произведений.

Вальтер

Часть первая

...Захар Минин из рода Беды, был чуть старше Ивана и считался его двоюродным братом. Вкус тюремной пайки испробовал раньше Ивана Беды. Но срок получил в другом городе. Он был не плохим трубачом и находился на иждивении у матери инвалидки. Захар рос неуправляемым ребёнком и если бы не музыка и футбол совсем бы от рук отбился. Вот его исполком и устроил воспитанником в музыкальный военный полк в город Дзержинск. После семилетки он поступил в музыкальное училище в этом же городе. На последнем курсе не вытерпев острой нехватки денег, решил материальное положение поправить с помощью цветного металла. Однажды с территории трамвайного депо, он вывез целую машину совершенно новых медных троллей. Итог – пять лет тюрьмы. На зоне примкнул к отрицательному контингенту, который почитал воровские законы. При серьёзном внутреннем конфликте на зоне отличился мудростью и логическим ходом мысли. Зеки в зоне вскоре Захара признала своим единым лидером и не ошиблась. Он не дал разразиться большой поножовщине, чем возможно спас много жизней и не дал преувеличить некоторым зекам свои сроки. Но свой непредсказуемый норов обуздать не смог. При очередном обыске, надзиратель со стенки над кроватью сорвал нарисованный портрет мамы, написанный местным умельцем и начал его топтать сапогами. Захар не смог сдержаться и схватив рядом стоящий стул, обрушил его на голову надзирателя. Надзирателя отправили в больницу, а Захара на особый режим на четыре года. Его в родном городе помнили, но давно не видели и поэтому он считался кроме своей родни потерянным человеком. Роман Беда и его дочь Клавдия, постоянно возили ему продукты и ездили к нему на свидание. А когда и Ивана посадили, то им пришлось вдвойне тяжелее. География колоний разная вот и пришлось деду Роману со своей дочкой Клавдией невольно записать себя туристами поневоле. Но самый большой вклад во благо Захара внесла, конечно, Клава, да и не только для него, а и для родного брата Ивана, а потом для своего сына Сергея. А ещё позже у неё рос один сын Вовка по фамилии Колчин.

Освободился Захар с воровским титулом ещё до суда Сергея. Этот титул неминуемо подвергал его под негласный надзор милиции. Когда посадили Луку и Сергея Беду, а Юра Лоб крикливо выступил по криминалу, Захару пришлось на некоторое время покинуть город. Он уехал в тихий и прекрасный город Липецк. Поселился Захар у своего кореша по зоне не далеко от Липецка в селе Силки на реке Воронеж. В основном он в этом селе появлялся, когда ему негде было переночевать. По всем жиганским понятиям официально работать он не имел права, и он изредка подрабатывал музыкантом в ресторане. А вскоре в незнакомом городе оброс нужными связями. Жил, не нарушая уголовного кодекса и на глаза милиции не лез. Играл на трубе восхитительно, но Иона Джонса из себя не строил, до тех пор, пока не встретил ЕЁ. Ужасно красивую и умную, но с ней по воровским понятиям он не мог сочетаться браком.

...Это была красавица в лётной форме с двумя звёздочками на погонах. Она сидела с подругой и бокалами поглощала вино. Захару лётчица очень понравилась и он, положив трубу, на стул пошёл пригласить её на танец:

– Вы меня, – пьяно пальцем ткнула она себя в грудь, и засмеялась. Но танцевать пошла.

– Нельзя вам пить. Вы в форме, а если патруль нагрянет, что делать будете? – предостерег он её.

– Женщина и армия вещи несовместимые! Я мирное существо, летать мне запрещено, но любить они мне не запретят! – пьяно заявила она.

...В эту ночь, она его пригласила к себе в малогабаритную служебную квартиру.

...Её звали Нина, фамилия Зарецкая. С недавних пор она была офицер запаса. Она жила и работала в авиа центре, и носила военную форму. На её форму Захар и клюнул. Думал, спрячется за такую женщину и милиция за её красотой и лётной формой другой раз его не заметит. Но он не знал тогда, что эта красавица с недавних пор по решению специальной медицинской комиссии была отчислена из авиа центра по состоянию здоровья. Психиатр нашёл у неё значительное отклонение, и этим было всё сказано. Но это не помешало Захару появляться с ней ежемесячно у себя на родине. У неё тем временем начались тяготы и жизненные невзгоды, которые она старалась утопить в увеселительных заведениях. Здоровье будто напильником кто то подпиливал каждый день со всех сторон, то голова заболит, то сердце, то позвоночник, а то совсем шатало, что выходить боялась.

Об этом она как то утром она Захару откровенно со слезами на глазах всё рассказала.

«Мне нужно отвлечься и развеяться. Чтобы всё забыть и начать жизнь с чистого лица», – говорила она.

Вот тогда они и приняли совместное решение уехать из Липецка на берега Волги, где ей понравился лечебный воздух уютного города Зеленоборска.

Так Нина Зарецкая появилась в Бедовом дворике города на Волге.

Она была видной женщиной и когда шла по двору, все поголовно и мужики и женщины и даже старухи начинали делать упражнение для шеи. О ней практически ничего было не известно. Но вездесущие старушки уверяли весь двор, что новую кралю Захар привёз из заточения, где она отбывала срок, который получила за, то, что снималась за большие деньги нагишом у развратных фотографов. Это конечно были выдумки. Но, ни Захар, ни Нина никому не собирались доказывать кто на самом деле эта красавица с толстой заплетённой косой. Надо сказать, что эта коса не делала из неё школьницу десятиклассницу. Эта коса придавала ей большую очаровательность и пикантность.

Мать же Захара, сестра Романа Беды, склонна была верить бабкам. Определённости в их дальнейшей жизни она не видела и к Нине относилась порой с негодованием. А на Захара постоянно ворчала:

– Греховодник, на что ты её содержать будешь? Ей ведь не плюшку старушечью на плечи надо одевать, а доху из норки. Где деньги будешь брать бездельник?

– Всё у нас скоро будет, – успокаивал он мать, – и свадьба и доха и внуки у тебя будут. Только не распространяйся на эту тему. Мы уже заявление подали в Загс. И очень тебя прошу, не обижай её? Она мне очень дорога!

Тогда в этот летний вечер он её заставил надеть офицерскую форму пилота, и они пошли с ней в ресторан. Смотреть на дворовых бабок, когда они вышли из подъезда, было утомительно. Это было непередаваемое смешное чувство. Старушки в длинных юбках не носившие трусов обмочились от неожиданности прямо около сараев. А у кого был мочевой пузырь крепче, успели забежать за сараи.

...Он боготворил эту красивую женщину и ради неё готов был преступить воровской закон, но пока колебался. Знал, что за это могут покарать и, не зная, как правильно поступить, решил исповедовать свою душу перед Гришей Часовщиком, – вором в законе с их двора, но нарвался не только на бездушный ответ, но и обвал острых словечек, от которых кожа на теле инеем покрывается.

После этого Захар потерялся и пошёл в разнос. Его арестовали за ограбление Центрального универмага, где он неплохо поживился, включая и ювелирный отдел. Но так считали только правоохранительные органы, хотя улики против него никаких не было.

...Нина Зарецкая у властной и больной мамы после ареста Захара долго задерживаться не думала. Возвращаться в Липецк ей было бессмысленно, так – как служебную комнату она сдала авиа центру. Домой к родителям в село Боринское ехать она не хотела. Это значит заточить себя добровольно на ферму к коровам.

...Она съехала от несостоявшейся свекрови в частный сектор и устроилась делопроизводителем в больничный комплекс. Нина к этому времени была в положении и кроме Захара об этом никто не знал. Больше об этой женщине неописуемой красоты долго никто не вспомнит.

После длительной командировки он вернулся в Бедовый дворик, своего родного города. С его возвращением двор оживился. В день его появления в городе все голубятники двора выпустили в небо своих голубей.

Он же в честь своего освобождения в своем сарае организовал радушный приём для голубятников.

На второй день свободы к нему пришёл участковый Мухин и посоветовал Минину долго не прохлаждаться, а устраиваться скорее на работу. Но Захар первым делом попытался разузнать, куда подевалась его любимая женщина. Поиски были тщетны. Тогда он пошёл к гадалке. Та ему несколько раз раскладывала карты и говорила, что его женщина из города никуда не выезжала, и возможно вышла замуж и сменила фамилию. Надежда найти Нину Зарецкую у него теплилась. И он ждал случайной встречи с ней. А между своей мечтой и процессом трудоустройства он возвёл на своём сарае новую огромную голубятню. Голубей он завёл, а вот с работой осложнения были. Никто не хотел у себя на производстве иметь в штате рецидивиста. Был ещё выход – устроиться музыкантом в ресторан, но это был уже не его ранг. Лабух в ресторане это был не его менталитет, и под музыканта – трубача он мог только маскироваться. Поэтому Захар вновь потянулся к деловому контингенту с криминальной начинкой людей. Наперёд зная, что в той сфере, он будет иметь лёгкие деньги, с которыми он будет жить, не зная ни в чём нужды. С перестройкой поле деятельности для криминала было неизмеримое.

Сергей Беда после освобождения начал жить по своим жизненным выкройкам.

Он хотел быть свободным, – он им стал!

Он хотел быть журналистом, – он им стал!

...Жизнь без сюрпризов, это не жизнь, а сплошная рутина, – это Сергей понял, когда около дома увидел машину с пожитками и знакомый силуэт человека от встречи, с которым он был не в восторге. Кум с зоны Моисеев, после расформирования колонии, стал неожиданно вновь соседом Сергея Беды. Моня в родные пенаты привёз свою семью на постоянное место жительства. Правда, это соседство было не долгим, Моне как заместителю начальника милиции через год улучшили жилищные условия. А в его квартиру въехала семья Вахлы, младшего брата Моисеева, который несколько лет назад окончил текстильный институт в Иванове.

...После освобождения Сергей шёл последовательно твёрдой поступью к счастливой жизни, которую сам себе кроил и никуда не сворачивал. Он был уверен, что только семейная жизнь его может отвлечь от необдуманных поступков. Но вначале он решил получить диплом о высшем образовании, а уж потом обзаводиться семьёй. Житьё в Осинках ему пришлось перенести. Жизненная ситуация заставила его от деда переехать в город. После смерти отчима Германа Колчина, он не мог оставить мать одну с маленьким братом Вовкой, который путём и ходить ещё не мог. Им помогала вся родня, и Беда, и Беркутовы, и Колчины, – словом все, близкие люди. Особенно своевременна и важная помощь исходила

от Захара и Августа Чернова. Август жил на два дома, то у деда Романа, то у тётки Клавды. Август приходился Сергею двоюродным братом и был старше Беды на несколько лет. Он был сыном Анастасии, родной сестры Ивана и Клавдии Беды. Анастасия жила во Владимире. Сын Август рос сообразительным парнем и бойким. Отец его воспитанием совсем не занимался, он постоянно вербовался на Север. Там зарабатывает, – на материке деньги спустит и опять идёт в оргнабор подбирать подходящую работу за полярным кругом. А его родной сын Август в это время начал примерять на себя казённую робу, разъезжая по зонам. Начал он с колонии несовершеннолетних, затем сел на пять лет, где срок отбывал в Вязниках. После освобождения устроил показательные выступления в одном из ресторанов Владимира, с крушением стульев и переворачиванием столов. Чтобы уберечь его от суда, мать спрятала сына в Горьковской области у родной сестры.

Август был крученым и жёстким человеком, за словом в карман не лез. Но главным достоинством это была его внешность, которой он умело манипулировал. Он мог быть похожим на артиста, на учёного, на ботаника, на делового человека и на криминального авторитета, которым он и являлся.

Его многоликая внешность внушала доверие любому кадровику, а язык как вспомогательный орган подтверждал, что этот кандидат на вакантную должность может справиться с любой работой. Сергей за все талантливые качества Августа про себя называл – августейшей особой. Невзирая на судимости, ему доверили хлебную должность. Он стал экспедитором на автозаводе. Этой должностью он дорожил и с мужиками у сараев старался не пить, хотя на картах там засиживался и не редко. На деньги Августа семья Клавдии Романовны жила пока Сергей не окончил университет. Когда после очередной ходки освободился Захар, Август его подтянул к себе. Два родственных человека делали деньги на запасных деталях на автомобиле ГАЗ, где работал Август

Вовка Колчак, родной брат Сергея Беды был редкостный экземпляр не только среди родственников, но и среди всего двора. Вовка, был непоседа и враг всех старорежимных «Нафталинов», так он называл кислых соседей, которые постоянно строчили на него заявления в школу и милицию. Разлетелось стекло, – дело Колчина. Висит на двери квартиры презерватив, – проказа Колчина. Съели бочку солёных огурцов в погребе чужого сарая, – тоже Колчин. Вовка стойко переносил все эти нелепые обвинения.

Своего младшего брата Вовку Сергей привёл в зал борьбы, когда тому исполнилось десять лет. Для Вовки Колчака старший брат был всем и отцом и братом. В его глазах он считался самым сильным, самым умным и просто образцом настоящего мужчины. Вовка всё слизывал с него и повадки и манеры. Сергею это нравилось. Он во всём этом находил большую схожесть с братцем, за что он любил Вовку до безумия. А ещё Сергей узнал, что их подвал младший брат возродил для таких же целей зимой, что и он в своей юности. Этот немаловажный факт, почему, то грел ему кровь.

Однажды брат Сергей ему в шутку сказал:

– Тактику и хладнокровие ты через спорт вроде привил в полной мере. Ещё бы тебе избавиться от балагурного характера, тогда точно в обозримом будущем Колчину Владимиру на территории школы воздвигнут памятник в бронзе!

– Не хочу свой памятник иметь под открытым небом, – возразил Вовка, – вороны бронзу обгадят в два счёта. Они любят, что блестит. Да и Нафталины, будут приходить в ненастные и пасмурные дни, чтобы полаять на меня, а заодно и поплевать. А вот если мой памятник водрузят на луне, я буду не против такого пристанища. Там ворон нет, и Нафталины кашлять рядом от недовольства не будут.

– Ну, ты Вовка и загнул, – засмеялся Сергей – пока только вымпел наши космонавты смогли доставить на луну. Ты лучше берись за ум, а не то выгонят из школы, неучем вырастишь, – и в шутку добавил:

– Будешь взрослым, а денег нет. У меня попросишь, я тебе не дам. Скажу, учиться нужно лучше было, и вести себя в школе примерно, а не белые резиновые шарики привязывать к дверям соседей.

– А я журналистом не хочу быть, – ответил ему Вовка, – я хорошо помню, как ты ночами зубрил свои конспекты. Мне такие ночи не грозят, я с первого раза всё запоминаю. Поэтому учусь я лучше, чем ты когда – то. Журналистика – это не моя стихия. Писать про надои молока и уборку урожая скучно. Так что не кичись своей высокой зарплатой. А если война начнётся, я буду амбары с хлебом охранять. Ты у меня попросишь муки или хлеба, я тебе тоже не дам. Скажу, пускай тебя министерство печати кормит.

...Беда не мог обижаться на своего брата. Его острый язык ему даже импонировал и напоминал не только самого себя в молодости, но и нынешнего Августа.

От Августа Вовка не отставал в словесных дуэлях, но всё – же больше перенимал от своего родного брата. Он наматывал на ус каждую фразу брошенную братом А журналистом. Во всём старался ему подражать и перед своими друзьями копировал Сергея.

У Колчака были неразлучные друзья Санька Марек, Вовка Жига, Вовка Корень, а так же Витька Педро, мечтавший с малых лет написать книгу своих анекдотов. Особенно от этой компании доставалось семье Моисеевых, у которых папа был раньше важным милиционером, но превратился в обычного комнатного алкоголика. Он ни Вовке проходу не давал, ни его друзьям, за, что ему энергичные мальчишки платили той – же монетой. На выдумки мелких безобразий у них мозг работал, с большой фантазией.

...Вовку Колчина мать с первого класса каждое лето отправляла в лагерь на станцию «Площадка», который находился в лесу в живописном месте, где с вековыми соснами и елями соседствовали большое озеро, кишасщее ужами, и река Ватома с холодной и проточной, как в горной речке водой. Ездил он туда не один, а с дюжиной своих родственников и ребят с их двора. Когда он учился в пятом классе, то в этот лагерь приезжал уже старшиной, так как знал к этому времени хорошо все тропы в лесу, которые вели к ягодным и грибным местам. Раздолья и развлечений в лагере было предостаточно. Вся проходившая смена – это ежедневный праздник. Больше всего его привлекали, новые знакомства и частые спортивные состязания по различным видам спорта, где он завоёвывал грамоты и призы. Со своим другом Сашкой Марekom, с которым он жил в одном подъезде, он ни когда не расставался. В школу вместе, на тренировку вместе. В лагерь тоже вместе.

...Они регулярно убегали самовольно из лагеря в лес или на речку, что категорически делать запрещалось. Их подозревали вожатые, но уличить не могли, всегда находились правдивые отговорки. Но такие самовольные вылазки привили Вовке любовь к природе и познанию всех лесных троп тянувшихся далеко от территории лагеря. Одно ему не нравилось в этот год, то, что навигатором их третьего дружного пионерского отряда была не избрана демократическим путём, а назначена Надька Крупица. С ней он тоже учился в одном классе и раньше жил в одном доме, часто играя маленькими в песочнице или у неё дома, до той поры, пока их мамы не проводили своих детей в первый класс. Надьку воспитывала одна мать и во дворе ходили слухи, что её отец погиб на строительстве ГЭС в Сибири, откуда они приехали. У матерей ребят были дружеские отношения, несмотря на то, что мать Надежды была намного старше матери Колчака. У детей же напротив хорошие отношения испортились с тех пор, как они стали посещать школу.

В школе Надька с первого класса в обязательном порядке, всегда и на всех мероприятиях назначалась старшей, чего явно не мог терпеть никто из мальчишек, в особенности Вова Колчин. В пионерском лагере Надьку все мальчишки называли Надежда Константиновна

Крупская. Ей это льстило и нравилось. Колчак и Марек, как командира её не признавали и обзывали Крупой или Овсянкой, за что она, на них не показывая виду, злилась, но проявляла к ним свою занудливость по всевозможным мелочам, устраивала слежки и обо всём докладывала, открыто на вечерней или утренней линейке.

Когда закончился завтрак, и все дети прокричали общее «Спасибо» Вовка с заговорщицким видом подошёл к своему другу Мареку. Бросив хитрый взгляд по сторонам, и убедившись, что их никто не подслушивает начал нащёптывать Саньке:

– Я придумал такое, что у Крупы понос полезет даже из ушей, – ухохочешся. Пойдём сейчас на озеро, и наловим ужей, запихаем ей в постель и чемодан.

– Лучше не так, проберёмся в тихий час к девчонкам в палату, когда они будут спать, и подбросим им на кровати, смехотуры будет побольше, – посоветовал Санька.

– Можно и так сделать, но в чемодан засунуть ужа всё равно надо. Главное чтобы она за нами не проследила. Сейчас, я быстренько за братаном Никитой Беркутовым сбегая, и пойдём, а ты пока иди к нашему лазу и жди нас, – сказал Колчак Мареку.

Дыру в заборе братья сделали вместе давно и всегда её умело маскировали. Придя с Никитой к назначенному месту, они все трое устремились по узкой тропке к озеру. Ужей наловили много, запихнув их в завязанную на узел майку Марека. И вскоре вернулись в расположение лагеря.

Отряд в это время с баянистом репетировали на стадионе песни. В корпусе, кроме дежурной никого не было.

– Санька, давай, я буду на шухере стоять, а ты в это время проберёшься в палату и подкинешь Надьке в чемодан пару ужей. Чемодан у неё под кроватью. Спит она у стенки, сам знаешь где. Остальных, я запущу в тихий час в палату к девчонкам, – предложил Вовка.

Вовка стоял на веранде и следил за дежурной ушедшей выносить мусор. В это время он отдал другу ужей. Тот засунул их за пазуху рубашки и юркнул в палату девчонок. Приоткрыв немного фибровую крышку чемодана, засунул туда ужей и незаметно без шума подошёл к Вовке:

– Всё готово, – доложил Марек.

– Отлично, – озираясь по сторонам, сказал Вовка и спрятал майку с ужами в шкафчик для одежды. После чего они смело направились в сторону стадиона.

Около волейбольной площадки, их отряд расположился на травке и лавочках. Они вместе с баянистом разучивали песню к родительскому дню.

– Хор голодных, – прокричал сидящим на лавочке певцам Санька, специально, чтобы на них обратили внимание.

– Ну – ка подойдите сюда субчики? – подозвал их баянист.

Они, намеренно заплетаясь ногами за высокую траву, подошли к баянисту с показным безразличием.

– Я, вас голубки любезные хочу спросить, почему вы не с коллективом? – Почему не на репетиции?

– А мы дяде Коле мотористу ходили помогать горючее в дизель заливать, – моментально нашёл, что ответить Вовка.

– Ему одному не с руки, – поддержал его Санька.

– Вот оказывается в чём дело, похвально, похвально, – сказал баянист.

...Все в лагере знали, что электроэнергия подавалась с массивного шкодовского дизеля и дядя Коля моторист, показал Сашке с Вовкой, как нужно запускать его в работу. Под его контролем они делали это и неоднократно, но сразу – же убегали из помещения от сильного грохота работающего дизеля.

В этот раз они соврали, и баянист им поверил.

– Врут они всё, мне известно, где они были, – вмешалась Надька, – они в дыру лазают и ходят на озеро купаться.

– А ты видала Овсянка кобылья? – в один голос сорвались ребята.

– Я не видала, а другие видели, и я знаю, если Колчина нет длительное время, значит, принесёт или готовит какую – то бяку. Его постоянно надо на привязи держать, так наша Лара Давидовна говорит.

Молодая вожатая была студенткой и опыта педагога организатора не имела. В лагерь в качестве вожатой приехала впервые на время каникул. Ей было всего 19 лет и мальчишки, пользуясь её молодостью, постоянно досаждали ей. Они называли её Ларой, считая что она не достигла ещё того возраста, чтобы к её имени приставляли отчество.

От непослушных мальчишек ей часто доставалось, и она не раз пролиwała слёзы от их проделок.

...Баянист посмотрел на часы:

– Заканчивайте ребята ссориться, через двадцать минут обед.

Вовку с Санькой насторожило высказанное ей заявление, и они решили узнать, что ей известно.

– Надежда Константиновна, – подозвал её Колчак.

Так он её ещё ни разу не величал, и ей было приятно.

Она улыбнулась, кокетливо тряхнула косичками и, встав на месте, бросила:

– Вам нужно, вы и подходите.

– Слушай, кобылий корм, ты чего плывёшь, как говно по Енисею, качаясь по волнам.

Или в ухо хочешь, сейчас дам, – выпалил Вовка.

Крупница после таких слов сразу прекратила улыбаться и нервно задёрнула своим маленьким носиком.

– Ты чего, за нами сечёшь? Делать нечего, и к тому же, подсылаешь к нам своих шпи-ков. – Завязывай, давай? – выпалил Санька.

– Буду, – назло вам буду, я вам покоя не дам, – высунув язык, сказала она.

Санька, скривил губы:

– Ну, берегись Крупа, мы про тебя всем расскажем, и в школе и здесь в лагере.

– Интересно, интересно узнать, что это вы про меня можете наболтать?

Она вопрошающе посмотрела на обоих.

– А то. Мы с Колчаком вчера всё видели, как в лазарете тебе в задницу стеклянную пробирку совали, – замазку доставали.

Такого наглого экспромта, Вовка от Саньки не ожидал.

От сказанного её лицо и руки сию секунду покрылись красными пятнами, её затрясло.

Она резко развернулась и побежала, посылая им:

– Дураки! Дураки – и – и! Вчера в лазарете мне делали укол железа.

Вовка с Санькой ликовали, наконец – то сшибли спесь с этой гордячки и правдолюбки. Теперь шпионить и ябедничать не посмеет. Но в душе Колчаку было стыдно за высказанную Санькой пошлость. И Надьку почему – то вдруг жалко стало. Он не представлял, как посмотрит ей в глаза в столовой.

После такого позорного оскорбления Надя на обед решила не идти. Уткнувшись в подушку, она лежала, молча, никому не давая объяснений по поводу своего странного поведения. Вожатая Лара Давидовна, не добившись от неё ни слова, построила сама отряд и повела на обед. В столовой Вовка взглянул на её место, стул пустовал. Внутри зашевелился червячок тревоги, у него уже угасло желание реализовывать спланированную с Марekom затею, но пятиться назад он не будет. Уговор есть уговор.

Плотно пообедав, отряд из столовой строем, направился в корпус на тихий час. Майку с ужами взять никак нельзя было. Она лежала в шкафу у Вовки. Вожатая могла заметить.

- Подождём, когда она уйдёт с веранды, тогда я принесу майку, – заверил Вовка Саньку.
- А если не уйдёт, что будем делать? – выпучил Санька свои синеокие глаза.
- Тогда ползучих тварей ночью будем запускать.

Лара Давидовна, как назло покидать веранду не думала. Уложив всех в кровати, она села на детский стульчик и открыла перед собой томик стихов Эдуарда Багрицкого.

В корпусе стояла тишина, даже у мальчишек в палате не раздавалось посторонних звуков. Все спали. Обычно ей приходилось прилагать много усилий для неугомонных мальчишек, чтобы они приняли послеобеденный сон. Сегодня на удивление выдался редкостный день. Ей предоставлялась возможность пообщаться наедине со своим любимым поэтом. Но какие – то странные звуки и мерзкий запах отвлекли её от книги. Она прошлась по веранде осмотрела кругом, заглянула под скамейки. Не обнаружив ничего подозрительного, она приступила к осмотру шкафчиков, поочерёдно открывая их.

Дойдя до шкафчика Вовки Колчина и открыв дверку, ей сразу бросился в глаза необычный свёрток. Она развязала узел майки, и дико раздирающий крик обрушился, на ушедших в глубокий сон детей. Из палат повыскакивали ребяташки, на полу веранды распластав руки, лежала Лара Давидовна, а от неё расползались в разные стороны безобидные рептилии. Завидев ужей, девчонки решили, что это ядовитые гадюки, которых в этих лесах водилось в изобилии. Они мгновенно добавили свои визгливые децибелы. Вожатые других отрядов, заслышав, чудовищные разнобойные звуки устремились в корпус третьего отряда. Вовка с Санькой чтобы успокоить истерично завывающих девчонок, бросились руками собирать ползающих ужей и вешать себе на шею, показывая, что вреда жизни и здоровью они не приносят. Лару занесли в тень на свежий воздух и при помощи нашатыря привели её в чувство. Позеленевшая она сидела на скамейке и причитала:

– Какой ужас, как я ненавижу и боюсь этих тварей, этого не передать. Где этот невыносимый Колчин? Он меня точно до инфаркта доведёт. Быстрее бы смена заканчивалась, чтобы не видеть больше его.

– Вот он я Лара, – произнёс Вовка, подойдя, к ней в трусах с огромным на шее ужом и в каждой руке у него извивалось по одному ужу.

Увидав его в таком виде перед своим взором, она без всяких слов закрыла глаза и непроизвольно откинулась на спинку скамейки. Вовку тут же отправили выпускать ужей за забор лагеря. Он их выпустил, но не за территорию лагеря, а в большой бак с водой для пожаротушения. После чего пришёл к своему корпусу, где директор лагеря прочитал ему внушительную нотацию о правилах поведения и распорядке дня. Тихий час в этот день в их отряде был сорван.

Вечером в этот день на линейке перед отбоем Вовку Колчина, как нарушителя режима пионерского лагеря выставили на обозрение к позорному столбу. Так называли специально отведённое место, оборудованное для нарушителей порядка. Он с безразличием стоял и ладонями рук бил на себе облепивших его комаров. Надька Крупица, оправившись от оскорбления, звонким голосом отдавала команды. Был объявлен отбой всему лагерю. Но в третьем отряде отбой получился запоздалым и причиной тому стали безобидные рептилии.

Лара, перед сном решила заменить своё спальное бельё. Открыв чемодан, она не поверила своим глазам. Думала, что это, какое – то наваждение. В бельё копошились возмутители её дневного спокойствия. Она тут же без чувств, свалилась на кровать. Девчонки обступили вожатую и путём массажа стали приводить её в сознание. Надька преспокойно, без лишней брезгливости взяла ужей, открыла окно и выкинула их подальше от корпуса.

– Не надо их бояться. Где водятся ужи, там не водятся змеи, мыши и прочая гадость, – сообщила Надежда. – Мне об этом тётя Зоя кастелянша рассказывала, а она в лагере работает свыше двадцати лет.

– Ой, Надя, какая ты смелая, я бы ни за какие деньги не взяла в руки эту мерзость, – похвалила её Люся Зацепная.

...Обморок у Лары на этот раз был кратковременным, но её сильно тошнило. Вера Голикова принесла ей оцинкованный тазик и поставила у изголовья кровати.

Не раздеваясь, в сарафане вожатая так и проспала до утреннего подъёма.

Утром, она подошла к Колчину, положив ему руку на плечо, пристально заглядывая, в глаза произнесла:

– Отныне и вовеки, пока ты находишься в лагере, будешь под моим строгим наблюдением, а если попробуешь отлучиться, привяжу тебя толстой верёвкой, и буду водить, как бычка, на смех всему миру.

Поверив в серьёзность её намерения, Вовка расширил и так большие свои глаза.

Длинные ресницы, и отливающие голубикой красивые зрачки, превращали его в невинного херувима.

– А, я Лара не виноват, что вы забрались в мой шкаф. И ужей я наловил в школу для зооуголка. Вы простите меня, пожалуйста, откуда мне было знать, что вы испугаетесь этих червяков? Я, сам очень сильно за вас напугался.

Оправдательная речь Володи и проникающее в душу извинение, смягчили вожатую.

– А зачем в чемодан положил мне этих тварей?

– Я их не закладывал, они сами, наверное, заползли.

Он понял, что Санька перепутал кровати и естественно чемоданы.

– Ну да, и чемодан самостоятельно открыли, – съязвила вожатая. – Ладно, иди, стройся на завтрак, и после столовой от меня ни на шаг. Поверю тебе в последний раз.

В столовой к столу, где сидел Володя подошли ребята из старшего первого отряда Женька Карасёв и Федя Моисеев. Оба они жили в одном доме с Вовкой и были старше его на пять лет. Федя Моисеев был сыном директора трикотажной фабрики и племянником начальника милиции. Во дворе за картавость Федю называли либо Ажан, либо Мoneй, – эта кличка у них передавалась из рода в род.

Все они росли в одном дворе и близко знали друг друга.

– Колчак, мы слышали, что ты знаешь, где находится старое фашистское кладбище. Не проводишь нас туда? – посмотреть больно хочется, – попросил Мoneя.

Вовка знал это кладбище, где в трёх километрах от лагеря поляна усеянная, деревянными крестами, хранила останки немецких военнопленных, но быть проводником на фашистский погост, после разговора с Ларой, он не желал.

– Не могу я сейчас, – отказался он, – вожатая запретила мне отходить от неё без спросу, Никиту Беркута брата попросите, он тоже знает туда дорогу.

– Никита по столовой сегодня дежурит, ему не вырваться никак. Да ты особо не дрейфь. Дорогу, только нам укажи и уходи, а назад мы сами придём, – продолжал уговаривать Вовку Мoneя.

– Ладно, но быстро, я Саню с собой возьму, он у меня давно просился, – согласился Вовка, чтобы доказать этим старшим ребятам свою смелость.

Улизнув, после завтрака от Лары, они с Санькой, Женькой и Мoneй сквозь заветный, в тайне хранимый лаз покинули территорию лагеря.

На тропе Мoneя достал из кармана пачку сигарет «Космос», и они с Женькой закурили. По лесу шли оживлённо разговаривали на отвлечённые темы, но внимания на проложенную тропку не обращали. До назначенного места дошли за тридцать минут.

Там не было гранитных плит и красивых памятников, а в ряды стояли аккуратно сбитые из древесины кресты. Состояние могилки подсказывало, что за кладбищем кто – то неплохо присматривает.

«За что им такие почести? Ведь эти Гансы, столько горя принесли его стране и народу», – думал Вовка.

Он обвёл кладбище рукой.

– Вот оно, глядите, а мы с Санькой пошли назад в лагерь.

– Идите отсюда, мы теперь без вас управимся, – крикнул Моня в спину уходящим ребятам.

Вовка обернулся и ответил:

– Мы – то свалим, но вы, если думаете что – то откопать здесь, дело бесполезное, я тут всё облазил с Никитой. И смотрите, назад будете возвращаться, не заблудите.

– Найдём, не заблудимся, – заверил Колчака Моня.

Ребята обратной дорогой не шли, а бежали размеренным стайерским стилем, расходуя силы. Отряд в это время занимался уборкой территории. Незаметно взяв носилки, друзья влились в коллектив отряда, и демонстративно прохаживаясь мимо Лары, распевали песню Соловьёва – Седого, «Давно мы дома не были»

Где ёлки осыпаются,
Где ёлочки стоят,
Который год красавицы
Гуляют без ребят

Лару позабавили не только слова песни, но исполнители и она от души рассмеялась. Мальчишки довольные, что на них приковано её внимание продолжали петь ещё сильнее. Хотя они пели без мотива и невпопад, но смысл песни дошёл до всех, и смех Лары, подхватили остальные.

– Ну, Колчин ты и артист, – протирая от смеха глаза, сказала вожатая, – тебе в капеллу мальчишек надо, там фуги будешь выдавать.

– Нечего мне там делать, они волосы вазелином мажут, – отмахнулся он от неё.

Закончив уборку территории, отряд пошёл на пруд купаться. Перед водными процедурами врач замерил температуру воды, и разрешила находиться в речке не больше пяти минут. Накупавшись вдоволь, освежённые и довольные они сели за обеденный стол.

Аппетит был отменный после водных процедур. Вовка с большим удовольствием доедал свой манный пудинг, который он раньше терпеть не мог.

В столовую прошёл директор и, встав около раздаточного окна, похлопав в ладоши, давая понять, чтобы установилась тишина:

– Внимание ребята, у нас в лагере сегодня произошло чрезвычайное происшествие. Пропали два старших мальчика из первого отряда Моисеев и Карасёв. Подымите руки, кто видал их в последний раз или знает, где они есть?

По столовой прошёл шумок, многие пальцами показывали в сторону Вовки. Вовка притих, понимая, что сейчас его будут атаковать вопросами. К нему в мгновение подступили директор и физрук:

– Ты знаешь, куда они подевались, отвечай немедленно? – строгим голосом спросил директор.

Вовка ел ягоды из компота и, молчал словно немой, отрицая вопрос директора, мотая головой.

– Прекрати кушать? – отвечай на заданный тебе вопрос? – не отставал от Колчина директор.

– Откуда мне знать, они мне не дружки. Я был на уборке территории и на пруду вместе с отрядом, – не признавался Вовка, – Лара Давидовна может подтвердить, – он показал головой в сторону вожатой, которая стояла рядом около его стола.

Она всё слышала, о чём спрашивал директор у её воспитанника, и утвердительно кивнула, убедив директора в правдивости его слов.

Директор с физруком поняли, что от Колчина они ни чего в данный момент не добьются и отошли от его столика. Но интуиция им подсказывала, что Вовка осведомлён о причине отсутствия и знает место нахождения пропавших ребят.

...В тихий час, когда Вовка лежал в постели, в палату заглянул физрук. Он пригласил его на веранду для доверительной беседы. Вовка поначалу сопел, и упорно молчал, но когда физрук пообещал ему, что все будет шито – крыто, он почему – то поверил ему и рассказал правду. Отсутствующих ребят, многие вожатые и работники лагеря активно разыскивали в ближайшей округе.

На кладбище отправились физрук, баянист и Вовка. Как и следовало, ожидать там они никого не обнаружили. Прокружив в окрестностях кладбища, они повернули назад в направлении лагеря. Пройдя полпути, они заметили уводившую вглубь леса узкую тропку. Свернув на неё и пройдя небольшой отрезок пути, в траве нашли, пустую пачку от сигарет «Космос».

– По этой тропе они двигались, – сделал заключение Вовка. – У них были такие – же сигареты.

– Значит, нам следует идти вперёд по этой тропе, – сказал баянист.

Они тронулись дальше по извилистой вытоптанной дорожке, пока не уткнулись в болото. Моховая зыбь, расстилалась зелёным ковром на огромном пространстве заболоченного места, где посторонних следов они не заметили. Вовка знал это болото, и по совету деревенских мальчишек туда один никогда не ходил, – оно могло бесследно затянуть. В прошлом году в августе он с ними собирал здесь бруснику и клюкву. И они много страшного рассказали про это болото, что после этих рассказов близко к этому болоту не решался подходить. Физрук и баянист понимали, какая опасность может возникнуть для грибников или сборщиков ягод, не знающих этого гиблого места.

– Что делать дальше будем? – размышлял вслух баянист. – Ясно, их здесь не было, а это уже вселяет надежду, что страшного с ними ничего не произошло. – Может, они вернулись в лагерь? – строил он свои догадки.

– Гадать не будем, определённо нужно ребят искать. Пойдём дальше, – предложил физрук.

До ужина, пролазив по лесу, искусанные комарами они вернулись ни с чем. Так же, и остальные поисковики возвратились без утешительного результата. В лагере назревал скандал. Директор предупредил воспитателя и вожатую первого отряда, что если детей не найдут, то на них будет заведено уголовное дело. А начальник милиции Моисеев поставит срок им назначить максимальным, так – как вся вина полностью ляжет на них. Он конечно их припугнул, понимая, что дети в любом случае вернуться в лагерь. Но всё равно воспитатель и вожатая ходили мрачные и понурые, не находя себе места.

Вовка посоветовал директору обратиться за помощью к деревенским мальчишкам.

Ухватившись за эту мысль, директор дал команду воспользоваться дельным советом. Но вдруг от ворот раздались крики дежурных по лагерю, они бежали и восторженно орали:

– Нашлись, нашлись, их на лошади привезли, вон они!

Толпа во главе с директором быстрым шагом пошла навстречу пропавшим. Оба подростка сидели верхом на вороном коне, которого за узду держал мужчина в форме работника леса. Это был лесник:

– Ваши детки будут? – снимая, их с лошади обратился он к толпе. – Далековато они у вас гуляют, так и до беды недалеко. В лесу зверья одичавшего немало бродит. А они сквозь чащобу отмахали четырнадцать километров. Надо же до кордона прогулялись.

Директор и вожатая подошли вплотную к беглецам. Их испуганные чумазые лица находились в стадии истерики. Женька Карасёв хлопал глазами и хлюпал носом. Его перема-

занные губы лесной земляникой виновато дрожали. По непонятной интонации можно было с трудом определить его оправдательные фразы:

– Я не хотел. Я не знал. С дороги сбились.

Федя Моня стоял в изорванных джинсах, оглядывая окруживших их детей, где он выискивал маленького Колчина. Задышавшись от волнения, он начал глотать воздух ртом и показывать пальцем на стоящего рядом с Никитой Вовку.

– Это он волчонок, завёл нас в дебри и убежал. Мамка за джинсы меня ругать будет. Колчак во всём виноват. Мой дядька ему дома пятнадцать суток быстро выпишет.

...После своего обвинительного высказывания на удивление всем он расплакался. Обильные слезы потекли по его лицу. Не стесняясь других младше его ребят, он стоял и навзрыд ревел как маленький ребёнок, размазывая ладонью слёзы по грязному лицу.

Директор попросил их вывернуть карманы. У Женьки из кармана выпал образок божьей матери, а у Феди обнаружили в кармане спички и сгнившую пуговицу с еле заметной фашистской свастикой от немецкого кителя.

Никита с презрением смотрел на Моисеева и с негодованием произнёс:

– Эх ты, Моня. Ну и сволочь ты продажная.

– Да, я сволочь, но ты не знаешь, как нам досталось, и что мы испытали. Я есть хочу, – завывал Моня.

Лесник проворно сел в седло своего вороного. Потянув уздечку на себя, глядя на директора, укоризненно отметил:

– Конечно, одобрения их поступок не заслуживает, но не надо паникёрствовать. Лучше накормите детей, кроме молока у них во рту ничего не было.

Пришпорив коня, он скрылся в зарослях леса. Эхо доносило до него дружные детские слова благодарности.

– Спасибо! Спасибо! – раздавалось по лесу.

Изнурённых, голодных ребят вожатая повела в столовую, кормить ужином.

На другой день Колчака, Женьку и Федю Моню после завтрака, с сопровождающим их баянистом посадили в продуктовую машину и повезли в город развозить по домам.

Клавдия Романовна, – мать Колчака, особой радости досрочному возвращению сына из лагеря не испытывала. Слегка пожурив Вовку, спросила:

– По видимому тебе не очень – то понравилось в лагере? – Наверное, больше туда не поедешь?

– Обязательно поеду, там интересно и весело, – заверил Вовка.

В июле Вовка со старшим братом Сергеем Бедой и Августом на огромном теплоходе поехали до Астрахани по Волге. Они ежегодно так отдыхали, а в августе Вовка поехал в третью смену по путёвке в свой лагерь, где состоялась встреча с эмоциональной Ларой Давидовой – студенткой института иностранных языков и хулиганистого Колчака. Увидев его в своём отряде, она сразу избавилась от него, переведя Вовку в другой отряд.

Ещё не раз Вовка отдыхал в этом лагере по отработанному графику, но с Ларой больше не встречался, хотя она там и работала, но только во вторую смену. Он встретился с ней чуть позже в своей школе, куда её направили работать учителем иностранного языка после защиты дипломного проекта.

Пока Захар возводил себе голубятню, он приучил играть в карты всех мужиков. В карты играли и раньше, но, как – то получилось, что временно этот азарт предался забвению.

И только с появлением Захара вновь возобновились у сараев ежедневные круглосуточные турниры.

Сараи располагались в пятнадцати метрах от жилых домов и построены они были в три ряда. Внутренняя средняя стенка разделяла двух хозяев, длинные пролёты рядов как бы образовывали несколько улиц. Там мужики собирались часто, обсудить свои вопросы, за пивом и самогонкой, а затем усаживались играть в карты. Почти все они не ладили с законом, и мало кто работал, хотя определённо где – то числились. В основном это были голубятники, охотники и рыболовы. Некоторые существовали за счёт случайных заработков и даров природы. Играли они в карты тихо без шума и скандалов. В ясные и погожие дни судьбу приезжал испытать дядя Гриша Часовщик.

Без двух ног, он передвигался, на своей низкой инвалидной коляске, отталкиваясь опорками от земли, и выкрикивал: «Молодка мечет, цветная моя» Следом за ним ковыляла полупьяная жена. Играли третями. Третями весь двор научил играть дядя Гриша.

За свою жизнь он имел не одну судимость. Он был известным вором в законе старой формации. Несмотря на возраст и свой физический недостаток, он был в строю и своими воровскими принципами дорожил. Часовщик, как и раньше, неукоснительно пользовался авторитетом у блатных и бандитов. Но с Захаром он, ни каких контактов не имел. Если играл Захар в карты, то Часовщик никогда не сядет в круг. Он дожидался, когда уйдёт Минин. Чем это было вызвано, для всех это оставалось загадкой. Когда Часовщик проигрывал всю наличность, он кидал карты в жену, стоявшую всегда позади него и колдовала, что – то ему на ухо. Она отбежать не успевала, как он с молниеносной быстротой, хватал её за части одежды, а второй рукой, начинал её безжалостно избивать. Зрелище было малоприятным, отдавало какой – то жестокостью Любопытные сбегались к месту побоища, узнать, что случилось, но, увидав семейную драму, расходились. Обычно после таких сцен появлялся участковый Мухин, и инцидент быстро гасил, но чаще приходил Иван Беда. Он был заядлым охотником и в прошлом талантливый футболист. Жил в одном подъезде с Часовщиком и являлся, его крёстным сыном. Иван отдирав цепкие руки дяди Гриши от жены, которая была намного лет младше Часовщика, и катил его домой. Картёжникам за такие бурные смотрины участковым делались внушения, но игры не прекращались.

Мальчишки постоянно летом отирались около голубятников. Там можно было полностью вкусить взрослую жизнь. Покурить, тем, кто постарше, выпить пивка и послушать диалоги бывалых людей. Короче постигали уроки той жизни, думая, что это им в будущем пригодится. Комнаты школьника были уже не для их возраста. Когда тёплые дни уходили у мальчишек был подвал.

Но подвал этот был от безысходности. К тому же он по документам принадлежал, Клавдии Романовны, матери Сергея и Колчака.

Пацаны частенько переживали там морозы, хорошо зная, если домой уйдут, погрется, – назад на улицу могли не вернуться. То ли дело летом: с утра до вечера на речке, на стадионе, на школьной площадке

...Когда деревья оголяли свои кроны, а проливные холодные дожди монотонно стегали по крышам домов и сараев, – голубятники знали, наступила нелёгкое время для голубей. Голубям раздолья нет в эту пору. В осеннее время года они часто болеют птичьими болезнями и самое опасное, что начинающие дилетанты – голубятники, идут безбоязненно на подлом голубятен. В основном это были жулики гастролёры из других городов. Местные даже близко не посмели – бы подойти к этим голубятням, так как знали, что наказание последует немедленно, а залётные гребли всё без разбора. Переговорив между собой голубятники, решили на короткое время нанять ночного сторожа. Думали, думали и надумали.

Кандидатуру выбрали алчную и тупорылую, – потомственного ассенизатора Вальку Куркуля. Раньше он работал на самосвале и чистил помойки вилами и лопатой. Эта работа

у него была прибыльная и ей он дорожил. Он сумел себе на отходах купить легковой автомобиль и за деньги пробил себе машину бочку, для откачки фекальных ям. На ней он и решил осуществить охрану сараев. Не перекачав содержимое в канализационную систему, с полной бочкой Валька въехал на сарайную улицу. Но, продрогнув ночью, как цуцик побежал домой испить чайку. В его отсутствие случилось невероятное «до сей поры осталось тайной», либо насос произвольно включился, либо с Куркулём сыграли злую шутку его недруги, но вся вонючая жидкость, словно вулканическая лава, расплзалась по сырой земле просачиваясь в сараи через зазоры плохо подогнанных дверей.

Вальке хозяева сараев, на следующий день поставили жёсткие условия, вручив ему заступ и респиратор.

Отскрёб он отходы за неделю, но тошнотворный душок долго витал у сараев, после этого он заслужил себе статус вечного холостяка. Пока он наводил санитарию, мужики перебрались в школьный сад, который первыми облюбовали мальчишки. Это было такое место, куда вход был свободным, так как забора там давно уже не было. За картёжными баталиями мальчишки всегда наблюдали с большим интересом, а потом шли в бывший сквер, где раньше стоял памятник Ленину, усаживались на лавки, установленными по всему скверу. И среди голых акаций, опавших клёнов и ив и резались сами в карты, подражая взрослым мужикам. У мальчишек был свой маленький мирок, где по идеологическим советам старших ребят мелюзга стряпала свои законы. В каждом возрасте были свои вожаки. У старших это был Юра Лоб по фамилии Волков, который после двух судимостей бесследно исчез из города, так как был объявлен в розыск милицией за поджог дома экономического преступника Суворова. После освобождения Сергея Беды двор охватила криминальная эпидемия. Пересажали многих ребят со двора. В их число вошёл и Жора Беркутов, он же Хлястик, родственник семьи Беды, тоже в прошлом хороший футболист. Он был на 4 года старше Сергея Беды. Пока Серый учился в университете пять лет, Жора отбывал такой же срок на зоне. И вообще Жоре Хлястику по жизни не везло. Ему милиция никогда не давала в полной мере насладиться свободой. Они считали, что криминальный авторитет должен сидеть в тюрьме. И статья для него находилась. Иногда его преступления доходили до курьёзов. Когда в СССР вышел указ об ужесточении наказания за мелкое хулиганство, Жора ехал в набитом вагоне электрички. У него был явный насморк, где его арестовал наряд милиции. В его обвинительном заключении написали: «Находясь в алкогольном опьянении, агрессивно чихал, пугая своим насморком пассажиров электрички» Дела за такие преступления лепили за один день. Жора за это преступление получил шесть месяцев лишения свободы. Это была его первая судимость.

Колчак, как и прежде, посещал зал борьбы и завоёвывал медали в престижных соревнованиях, но поведение его в школе и на улице оставляло желать лучшего.

Он всегда вспоминал свою первую учительницу начальных классов Анну Фёдоровну Тебекину, которая часто стучала его по голове футляром от очков, и как бы закачивая программу в него, говорила:

– Туда ворота большие, а оттуда маленькие, – намекая маленькому Колчаку, что ему тюрьмы не миновать. Чем он старше стал, тем чаще к нему домой стали наведываться учителя с жалобами. Он всегда сетовал мальчишкам, что квартиру им дали в этом доме для отрады учителям. Потому – что путь в школу и из школы, пролегал, через его подъезд и шли они все около него, как через пограничный пост, не забывая, отметится в квартире №98 с очередной жалобой на новую проделку младшего Колчина. Его вздорный и буйный характер трудно было укротить, не смотря, что хладнокровия у него было не занимать. И если

затевалась какая – то свара на улице или в школе, то он быстро заставлял своих противников прибегать к бегству. Он был настоящий уличный хулиган, и его отрицательное поведение не влияло на учёбу. Вовк хорошо учился и с книгами никогда не расставался. Читал их запоем, благо библиотека дома была богатая, но иногда прибегал за книгами к своему дядьке Ивану Романовичу Беде, у которого библиотека была в два раза богаче Колчиных. И к тому же с этим начитанным родственником можно поговорить на разные умные темы. Но больше всего Вовке нравилось общаться с дядей Севой голубятником, который нередко приезжал к Часовщику и Захару. Этот дядя Сева, раньше был силовым акробатом в цирке, но потом его цирковую карьеру остановила милиция, посадив на десять лет за ограбление ювелирного магазина. Ему было около пятидесяти лет, и со своими бывшими коллегами с кем выступал на арене цирка в молодости, он часто встречался и возил с собой Вовку на эти встречи.

...Шли годы. Подросли все ребята со двора. Особенно вырос и возмужал Вовка Колчак. Он из-за голубей прикипел к Захару. Голуби для Вовки составляли важную часть его досуга. Он безвылазно мог сидеть в голубятне, иногда слушая тюремные рассказы Захара. От его рассказов веяло таинственностью и романтикой. Но когда он заканчивал свои повествования, всегда говорил: «Если бы я был генеральным прокурором СССР, то всех бы первые осуждённых, помещал в больницу на лечение, а не в тюрьму. Психиатры должны доказать суду, что многие преступления совершаются по вине кратковременного залипания мозга человека».

Захар так и не встретил свою Нину Зарецкую. Он не хотел, но всё – таки решился о ней навести справки в милиции. Ему там сообщили, что Нина Ильинична Зарецкая 1946 года рождения, уроженка села Боринское Липецкой области. Скончалась от передозировки сильнодействующих наркотических препаратов, в то время когда он отбывал последний срок заключения. Похоронена на кладбище в посёлке Липово.

Захар продолжительное время не попадал в обзор органов. Хотя жил порою на широкую ногу, отдаваясь полностью всем жизненным утехам и благам, ни в чём себе не отказывая. Беспечная и лёгкая жизнь его незаметно стала затягивать в свои сети. И он сорвался, попавшись с ящиком магнитных катушек для Волги, которые нашли в его машине. Его арестовали около волжского моста и повезли в милицию. Но по дороге он умудрился сбежать. Вновь ему грозило небо в клеточку, но этому пейзажу он был мало рад. Поэтому он ушёл в подполье, чтобы обдумать свои дальнейшие действия.

А его голубей тем временем стал гонять Август и Вовка Колчак.

...Захар появился ночью в проливной осенний дождь в квартире у Клавдии. Но ему нужна больше была не сестра, а её младший сын, с которым он по секрету немного пошептался и собрался уходить.

– Ты куда Захар, на ночь, глядя, да в такую погоду? – спросила мать, – оставайся.

– Нет, Клава мне оставаться у тебя нельзя, я пойду, – сказал он, – статью за укрывательство ещё никто не отменял. Зачем я тебя под монастырь буду подводить.

А пришёл Захар к Вовке с одной целью, чтобы он передал записку для Севы Пескаря. Этого мужчину Вовка уважал его. У Дяди Севы много было знакомых и Вовке, тогда казалось, что нет, такого места, где бы его ни знали. Когда Вовка стал старше, он понял, что дядя Сева не только бывший циркач и голубятник, но и имеет большое влияние в уголовном мире. Даже Часовщик, когда к нему обращались за справедливостью, всегда говорил:

– Я на пенсии давно. Идите к патриарху Севе или его другу Захару. Я давно все дела сдал им. У меня сейчас другие интересы. Я планирую отправиться на вечный покой.

На самом деле Часовщик заниматься ничем не хотел, он мелочёвкой даже не занимался, не говоря о решении глобальных вопросов воровского мира. На досуге пил не в меру горькую вместе со своей женой.

Он утонул у себя в ванной с бутылкой коньяка, когда его жена в таком же состоянии валялась рядом в комнате.

В последний путь Часовщика провожал весь двор, и много было незнакомых мужчин с отчаянными и волевыми лицами.

Лара Давидовна Кюцберг, после той злополучной смены в лагере, когда Вовка её смертельно напугал ужами, пришла работать в школу. И при встрече с Вовкой всегда грозила ему пальцем. И по иронии судьбы в седьмом классе, ей предстояло встречаться с непослушным и хулиганистым Колчиным теперь ежедневно, от чего она, большой радости не проявляла, но безгранично была рада Надежде Крупице.

...Вовка иностранке не докучал, она даже ему нравилась, и старался на её уроке не хулиганить. Она никогда не ходила жаловаться к родителям, за что Вовка ей был премного благодарен. Вскоре она переселится жить к ним во двор, в дом, где раньше было молодёжное общежитие. И утром Вовка частенько встречался с ней, когда она выходила из подъезда со своей лучшей подругой Маргаритой Николаевной, тоже преподавателем, имеющие пышные формы тела. В зимнее время Вовка с Санькой Марексом выходили раньше из дома, прятались за трансформаторную будку и безжалостно обстреливали двух подруг снежками. Больше доставалось Маргарите, она была неповоротливая, но однажды досталось по лицу и Ларе. Чей это был выстрел, трудно было узнать, но на следующий день муж Маргариты, поймал стрелков и передал в руки двум подругам.

– Я от вас не ожидала, что вы взрослые ребята способны на детские шалости, – стыдила их Лара. – Вы, что первоклашки несмышленные?

– Это мы заигрывали с вами, – сказал Колчак.

– Ну, ничего себе заигрывание нашли. Своего классного руководителя угостили булыжником по лицу, – улыбочиво отчитывала их Маргарита. – Она вас учит, чтобы из вас бестолочи, не выросли. Заигрывать с ней надо иначе.

– А как? – спросил Марекс.

– Иностранный язык учите на пять и цветы ей купите, вот как! – засмеялась Маргарита, – а ты Колчин, безусловно, хочешь повторить судьбу своего брата Беды. – Он ведь парень неплохой был и в школе сообразительностью отличался. А видишь, связался с дурной компанией и сломал свою молодость.

– Мало – ли кто не совершал ошибок по молодости, – сказал Вовка. – Серёга жизнь изучал в тюрьме и характер свой закалял. А не побывал бы там, то не журналистом бы работал, а около сараев в карты играл.

После чего он дёрнул за рукав Саньку и повернулся спиной к учителям.

Лара посмотрела в спину подросткам и укоризненно покачала головой.

...Про эту шалость никто не узнал в школе, но на лице у Лары осталось красное пятно, которое она ежедневно припудривала. А вместо букета цветов Санька принёс ей из дома комнатный цветок в горшке, из дома упёр, и который после оказался острым перцем. После этого прошло три года. Ребята повзрослели. За это время у Нади Крупицы умерла мать, и её поместили в детский дом. Лара её жалела и постоянно опекала. Иногда брала к себе домой на выходные, но удочерить ей Надежду никак не удавалось. Куча документов и некоторые факторы не давали ей такой возможности. Вовка тоже повзрослел и на свою подружку детства Надежду стал смотреть по – иному. Прекратились колкости и обзывания. А на восьмое марта он подарил ей и Ларе по томику стихов Эдуарда Асадова, которые ему достал Август.

...После очередной отсидки освободился Лука Волков, с которым при первой его судимости некоторый отрезок времени Сергей Беда провёл на одной зоне. Лука с тех пор ещё три

раза был осужден, но ума не набрался. Дружбу водил не со своими сверстниками, а больше с подростками. Он устроился на работу токарем и жил во времянке у своего дальнего родственника инвалида Кадыка. Всё свободное время Лука находился во дворе и крутился около голубятников или развлекался рядом с подростками.

О своём пропавшем брате Юре Лбе, который стигнул бесследно, после дерзкой истории связанной с подпольным дельцом Суворовым он ничего не знал.

В конце мая приехал из Ярославля на выходные младший Федя Моня. Он там оканчивал военное финансовое училище. Моня ходил по городу в военной форме и бравировал тем, что учится в училище, и что через год на его плечах будут сидеть погоны офицера. Оsoзнавая, что его дядька начальник милиции, вёл он себя во дворе с ребятами младше его как Наполеон. Всё таки силовая должность его родственника вселяла в Моню элемент неприкосновенности. Считая, вряд – ли кто осмелится пойти в контру с с ним, зная, что у Феди за спиной стоит властный родственник. Но эта страшилка годилась для четырнадцатилетних мальчишек, но не для Колчака и его друзей.

Было солнечное воскресенье и ничего плохого пацанам игравшим в карты не предвещало, пока не появился в саду Моня. Он был, выпивши, и вёл себя, как будто он уже имеет чин не ниже полковника:

– Вот призовут вас в армию, – говорил он, – попадёте ко мне служить. Я вас научу Родину мать любить. Кроме карт и драк ничего не знаете. Разгильдяями растёте, а это ни есть правильно. Я из вас сделаю бойцов. Быстро в Афганистан или на Кавказ отправлю, за порядком смотреть.

– Моня ты лучше, чем нотации нам читать, дай мне форму твою на дискотеку сходить, – подтрунивал его Колчак.

Тот, принимая это за чистую монету, стойко отказывал. Начиная говорить о воинской присяге и доблести мундира.

...Витя Леонов – взрослый мужчина – инвалид третьей группы, работавший почтальоном и слывший знаменитым рыболовом, наблюдая за игрой, сказал:

– Владимир ты лучше попроси у него форму сфотографироваться на водительские права. У твоего Серёги есть же Волга. А тебе покататься вдруг захочется. Милиция, когда тебя увидит что ты в форме, штрафовать ни за что не будет.

– Верно Витя, – подхватил его идею Колчак, – давай Моня за бутылку на часок твою форму?

– Бутылка это маловато будет, – скривил губы Моня, – вот двести рублей впору, но деньги вперёд – моментально согласился он.

– И мне не забудешь налить, – сказал Витя Моне, – как подателю рациональной идеи.

Вовка вытащил из кармана двести рублей и отдал Моне. Тот проверил деньги и, засунув их в карман брюк начал раздеваться до пояса. Брюки он категорически отказался снимать, сославшись на то, что на права не обязательно сниматься в полный рост и их он снимет, только в том случае если Колчак добавит ещё сто рублей. Шутка стала превращаться в проверку будущего офицера, на верность присяги о которой он фанатично минуту назад рассказывал пацанам. Мальчишки с интересом наблюдали на торг, зная, что Вовка сейчас выкинет сногшибательный номер.

Вовка взял рубашку с галстуком и фуражкой, передав всё это Жиге, настаивая, чтобы Моня снял брюки. Моня убедительно просил ограничиться тем, что он дал ему. Колчак с омерзением смотрел на Моню, а затем громким голосом сказал, что форму предателя никогда в жизни на себя не оденет.

Моня такого оборота не ожидал. Со злым лицом, которое делало его необычайно смешным, он поднял вверх кулаки. В синей майке, с худыми руками, брызгая слюнями, он сделал угрожающий шаг в сторону крепко сбитого Колчака. Но Вовку этот выпад не смутил.

Он перешёл на шутливо – официальный тон. Выразительно сделав заявление в присутствии всех окружающих:

– Парни, вот здесь на историческом месте, где несколько десятилетий назад возвышался бюст великого и гениального Ленина, в присутствии последователей его учения в лице Педро и Жиги, Курсант Ярославского училища Фёдор Моня, нарушив присягу и опозорив честь мундира, замарал Родину, за двадцать червонцев. За эти деньги можно купить в народных промыслах пару лаптей и хохломскую матрёшку. Даже Иуда, продавая Христа за тридцать серебряников, имел навар в пятьдесят семь граммов чистого золота. Позор таким офицерам России.

Моня не подумал, что когда – то маленькие мальчишки давно подросли и мышцы свои накачали. Он наотмашь, хлётко ударил Вовку, который не ожидал, что на Моню оскорбительно подействует его шутливый монолог.

Номер действительно получился «сногшибательным». Колчак двумя сильными ударами, уложил своего обидчика между двух тополей.

Не поняв, что произошло, Федя вскочил на ноги, и сломя голову пошёл напролом на Вовку, но в ответ получил встречный мощный удар в глаз, после которого Моня схватился за голову и, взывая на весь двор, в одной майке побежал домой. Добежав до подъезда, он споткнулся о бордюр и разбил себе коленки, при этом изрядно подпортил военные брюки. Жига вслед ему крикнул, чтобы он забрал свою амуницию, но ему было не до формы.

– Сейчас будет кипятик пацаны, – сказал Жига, – пошли к сараям или на стадион?

– А шмотки куда? – спросил Марек.

– Пускай здесь лежат, вернётся, заберёт, – ответил Жига.

– Давайте я схожу с его фуражкой под яблоню в школьном саду, – предложил, Педро, шкодливо хихикая.

– Не надо, оставьте на лавке, – взволнованно сказал Колчак, – он сейчас с дедом прибежит. Нам с ними связываться не стоит. Пошли к сараям, там голубятники, они вряд ли посмеют при них канитель заводить. А если попробуют, я и деду и сынку навалю. А вот посмеёмся мы, думаю сегодня вволю.

Вовка ощущал себя победителем. Он думал, что если такие хиляки, как Моня учатся на офицеров, какие же командиры из них получатся в дальнейшем.

Они оставили одежду, и пошли к сараям, но спокойным шагом им дойти не дали. С лопатой на них бежал дед Моисей, за ним ковыляя вприпрыжку, с накрученной на руку велосипедной цепью устремился сам Моня. Мальчишки не мешкая, взобрались на крышу сараев. Остальные пацаны, которые смотрели за дракой, стояли, как вкопанные открыв рты, предвкушая интересное продолжение «театрального действия» и теперь уже с половиной семейства Моисеевых.

Как назло никого из голубятников в это время не было у сараев. Время было дневное, и многие находились на своих садовых участках. Но хорошо, что не сидели старухи у сараев, которые боялись яркого дневного солнца.

Моисеев дед с искажённым от злобы лицом, не зная, где легче забраться на крышу, начал бить лопатой по выступам крыши сараев. На помощь приковылял Моня, но, не решаясь залезть на крышу, стал показывать деду удобный подъём. В это время Генка Портных, бросил на крышу пацанам хороший дрын для обороны.

Вовка взял его в руки и предупреждающе начал им помахивать. Давая понять, что угостит любого, кто посмеет приблизиться к нему. Увидав, что Генка оказал помощь Колчаку, Моня с цепью начал гоняться за ним, забыв про свои разбитые коленки, и крепко зацепил его один раз по спине, после чего Генку тоже взмыло на крышу.

Колчак, сохраняя хладнокровие, крикнул Педро:

– Витька, прыгай с другой стороны сараев, бери фуражку и под яблоню быстро с ней линияй. Мы пока оборону будем здесь держать, а ты наложи ему в фургон, как Стаханов раньше уголь родине на-гора выдавал. Я всю ответственность беру на себя.

Педро, как ветром сдуло с крыши. К этому времени подошло к сараям много любопытных.

А Моисеев старший, не унимаясь и злясь, что не может достать мальчишек, с матюками бросил лопату и принялся кидать в мальчишек камнями, стараясь угодить в Вовку.

– Каторжанская рожа, я до тебя доберусь, сволочь такая. Зря мой сын твоего брата в тюрьме пожалел. Но ничего время придёт он до вас до всех доберётся. Тюрьма по тебе давно плачет. Я тебя посажу без суда и следствия, – орал он. – Не побоюсь твоей бандитской родни.

Было видно, что он находится в изрядном подпитии. Моня с огромным кровоподтёком на глазу бегал, как шакал вокруг зевая, потряхивая цепью, и подбадривал деда:

– Так его дедуля. Напугались трусы. На сарай залезли. Попробуйте теперь слезть.

Вовка откровенно и нагло рассмеялся:

– Ты недоносок, никого мы не боимся. Просто не хотим обострений с взрослыми. Это ты будущий офицер побежал к дедушке жаловаться.

Услышав, что его внука нелецеприятно обозвали, дед ещё сильнее и яростней начал атаковать Вовку камнями, но цели они не достигали. Колчак ловко увёртывался от них, как бы играя.

...Обстановку разрядил Валька Куркуль, проезжая на своей бочке, он увидел скопище у сараев, притормозил машину и вылез из кабины. Узнав в чём дело, он предложил свою помощь Моисеевым. Валька Куркуль посоветовал им забраться на бочку по оборудованной к ней лестнице и подъехать в уровень с крышей сараев, чтобы можно было легко достать пакостников. План им понравился.

Первым залез наверх дед с лопатой. За ним забрался курсант в майке и, не выпуская цепь из рук, орал:

– Берегитесь хорьки сарайные, – и начал воинственно размахивать цепью над головой. – Сейчас получите на орехи!

Куркуль из кабины дрожащим голосом крикнул:

– Держитесь, крепче я трогаюсь, иду на разворот.

Но когда машина развернулась, на удивление пацанам, она не к сараям поехала, а стала выезжать на многолюдную улицу.

Они не знали, что когда Моисеевы забирались наверх бочки, в это время в кабину с другой стороны незаметно сел Лука и приказал Куркулю ехать на берег Волги.

Валька не думал, что у мальчишек появиться такая опасная для его здоровья поддержка.

Обуздав бочку ассенизатора, Моисеевы, проехали километра три на потеху всему городу. За этот недлинный путь они смогли полностью протрезветь, и образумиться.

Лука доехал с ними до берега, немного не дотянув до перевоза. Выйдя из кабины, он напугал своим видом деда с внуком и начал их срамить:

– Как нестыдно, почтенный дед и будущий офицер России. Как же это вы перепутали транспорт? Это не печка Емели, это отходы стратегического производства, как вас сюда занесло. Вот что неразумное пьянство с человеком делает. И не стыдно на вонючей бочке ездить? На ребят ещё кинетесь, я вам уши отрежу черти рогатые. А ну спускайтесь оттуда, – скомандовал Лука.

Они, покорно бормоча себе по нос, спустились вниз, зная, что перечить Луке, значит получить добавку по голове вперемежку к его сквернословиям.

Во дворе они появились через тридцать минут. Ребята все сидели у обечайки, где, когда – то был фонтан. Моня вернул деньги Колчаку, взамен потребовав назад свою форму.

– Мы к ней не прикасались, иди на лавке смотри, – ответил ему Колчак.

Сохранив серьёзные лица, пацаны не показали вида, что знают в фуражке лежит большая куча «ароматного» испражнения Витьки Педро.

Моня пошёл в сторону бывшего Ленинского садика. Обратно он шёл мимо пацанов и, ни кого не стесняясь, горько плакал, как маленький ребёнок.

– Жалко мне его стало, – сказал Марек. – Ему в училище завтра ехать, а он с фингалом, да ещё картуз армейский вдобавок вывели из строя. Хорошо хоть без звезды картуз, а то бы Моньки эту фуражку отнесли на экспертизу, и прощай свобода Педро. За осквернение Российской геральдики Витька бы пятёрку огрёл. Жалко Моню, – не то в шутку, не то всерьёз повторил Санька

– Брось ты, нашёл, кого жалеть, – упрекнул его Колчак, – пускай не задаётся этот унтер. Я не могу понять, как можно таким воякам, автомат доверять. Ему метлу опасно давать.

– А зачем ему автомат, у него оружие счёты электронные. Он на финансиста вооружённых сил выучился, – внёс ясность Витька Леонов, знавший всё вся и про всех.

...Это был очень толстый мужчина, низкого роста с замедленной реакцией, пытавший всегда произвести на себя впечатление мудреца. У него из друзей был один спиннинг, и он постоянно околачивался около мальчишек. Зачастую он с самодовольным выражением лица ходил по двору и со всеми общался, влезая в разговоры пожилых людей, давая, как он считал, умные советы. Всерьёз его никто не воспринимал, но никогда не обрывали при беседах, давая до конца высказаться. Иногда даже соглашались с ним в знак уважения.

Колчак в шутку его называл Виктор – велеречивый и требовал за кличку с него килограмм сахара, на что Витя отмахивался, но кличка ему нравилась.

Сейчас Витя стоял перед ребятами и доказывал им свою осведомлённость в военном деле:

– Он будет подсчитывать, сколько карбованцев, нужно выделять нашим воинам для уставных целей, – важно произнёс Витя. – Без таких специалистов, как Моня армия существовать не может!

Возражать ему никто не хотел. К нему ребята уже привыкли. Марек в ответ дал ему сигарету, которую он закуривать не стал, а положил её в карман рубашки.

– Ну, как, я их на ароматизированной бочке прокатил? – раздался сзади голос Луки.

– Они давно напрашивались на такой комплимент, – сказал Колчак. – Скромнее надо себя вести, а не лезть к соседям со своими нравоучениями.

– Моня младший это типичный глист, – сказал Лука, – а дед у него ещё в силе, но если водку в старости сильно пьёт, силу скоро потеряет. Вот старший сын у него мужик ничего. По крайней мере, вредностью он не бросался. И то, что он живёт на белом свете это заслуга рода Беды. Ему жена Ивана операцию делала.

– Я знаю эту историю, – сказал Вовка, – мне брат рассказывал. Но сегодня я думаю, мы им не только в фуражку нагадили, но и в душу не хило наложили.

– В ментовку они не заявят, – успокоил всех Лука. – Сами виноваты, вооружены были и кидали в вас камнями. Эту поездку они надолго запомнят у меня.

– Выручил ты нас конечно вовремя, – сказал Колчак. – Мы не ожидали даже, – думали ну молодец Куркуль, помог нам, увёз этих психов. Мы тебя не видали и не знали, что ты в кабине сидишь.

Все сидящие у фонтана пацаны смотрели на Луку с большой благодарностью. Иметь такого покровителя для каждого из них было почётно.

– Вы Витьку Мякишу спасибо скажите, это он меня предупредил, – кивнул на Витю Леонова Лука.

За чрезмерно излишний вес, Лука находясь в хорошем настроении, иногда называл так Витька.

– Если бы не он торчать бы вам на крыше до сих пор.

– Никто бы там столько не сидел на этой крыше, – резко отверг слова Луки Жига

– Мы легко могли бы их отмутузить сами. И нам, запросто можно было прыгнуть с другой стороны, и никто бы нас не догнал, но бежать по такой жаре, да от этих вырождков, – много чести будет. Нам приятен сам процесс их травли. Бесплатный концерт пацаны посмотрели, и нам в кайф.

...Лука заулыбался, показав всем свои жёлтые от чифиря зубы. Спросил время, но часов, ни у кого не было. Он спешил на работу. Лука оформился на завод токарем, где работал посменно. Помимо основной работы он находил время, для побочной работы. Ходил на пакгауз, или в порт разгружать баржи и вагоны. Деньги, были нужны, чтобы одеться нормально, и приобрести необходимый для себя инструмент. Он уже почти год находился на свободе и мечтал открыть бытовую ремонтную мастерскую. Но в конце лета его опять посадят за изготовление и сбыт огнестрельного и холодного оружия. Следом за ним посадят за убийство Жору Хлястика. На заводе ночью в комнате мастеров обнаружат труп мастера Соколова, друга Жоры и на столе недопитую бутылку водки и два стакана. На одном из стаканов найдут отпечатки пальцев Хлястика.

Схватка с Моисеевыми для Колчака со временем обернётся неприятным для него выпадом со стороны начальника милиции. Он включит незаметно свои рычаги.

Сергей Беда успешно окончил университет и стал работать в городской газете. Он был холост, но женщин любил всегда везде и блондинок и брюнеток. Одним словом он почитал их. Но вот ответственный шаг к бракосочетанию не решался делать. Независимость его устраивала. Хотя нет, да и поинтересуется у Вовки, не вышла ли замуж за кого его молодая учительница Лара. «Не знаю, – хмурился Вовка, – шафером у неё на свадьбе не был. А если интересно спроси у неё сам». Беда жених конечно завидный был и не одна женщина и девушка при виде его томно вздыхали. Он был не только внешне красив, но и интересен, как собеседник. И ещё Сергей был щедр, что у некоторых женщин хватало смелости попросить у него денег на покупку изысканного ювелирного изделия. И он покупал. И обладательница такого подарка, оберегала такого кавалера от внимания других женщин. Но он хорошо понимал, что не может принадлежать одной женщине. А чтобы женщин красивых любить, одной внешности мало, нужны деньги и только деньги. Только с ними он ощущал себя полноценным мужчиной. И он с каждым днём становился материально богаче.

У Сергея, были какие – то коммерческие дела с Августом и мать стала замечать, что её старший сын начал жить не по средствам. Одевался как Лондонский денди, ужинал в ресторанах. От матери этот факт невозможно было скрыть. И он хорошо понимал, что мать догадывается о его тёмных делах с Августом. Хотя он её каждый день успокаивал, что никаким криминалом не занимается.

«Все мои чрезмерно завышенные доходы никакого отношения к уголовно процессуальному кодексу не имеют» – говорил он.

– Сергей я не тётя Груня – дворник с двумя классами за плечами, – высказывала мать свои опасения. – У меня высшее образование и мне поступают не ложные сигналы в мозг. И нечего мне говорить про завышенные доходы. У тебя что гонорары, как у известных писателей? Боюсь я за тебя сынок!

– Это всего лишь удачные коммерческие подработки мама, – сказал он ей утром седьмого ноября. – Не жги себе нервы. Я всё делаю в рамках закона.

– Приведёт тебя Август на скамью подсудимых, – причитала мать. – Ох, приведёт!

– Август здесь не причём. И не надо на него коситься, когда он к нам в гости приходит. Он нам шесть лет подряд помогал. И как помогал? Мы никакой нужды не знали.

После такого мощного аргумента, матери сказать было нечего.

В середине октября Сергей подъехал к дому на Чайке.

Удивил весь двор, удивил родню, обрадовал и накатав девочек конфеточек, но разозлил милицию. Через два дня его арестовали. Статью ему предъявили серьёзную, и грозило Бедо до двенадцати лет лишения свободы. Все заботы с адвокатом и судом возложил на свои плечи Август и Захар, который находился на нелегальном положении, имея бумаги на лесопилку в селе Осинки у деда Романа. Суд определил Сергею наказание сроком в пять лет.

На суде при оглашении приговора по лицу Сергея можно было безошибочно определить, что такой срок его не только не огорчил, а обрадовал.

Около суда находилась вся родня Беды. Ждали когда выведут Сергея. Около запасного выхода стоял милицейский УАЗ. Один Август не стал ждать Беду. Проходя мимо милицейской машины, он сильно кулаком ударил по капоту и, развернувшись, влился в толпу прохожих.

Иван Беда стоял вместе со старшей сестрой Клавдией и Вовкой Колчиным, учившимся в выпускном классе. Они дождались, когда конвой затолкал Сергея в машину, и помахали ему рукой. Мать утерла слёзы носовым платком, после чего скомкав его в руке, произнесла:

– Ведь говорила ему, каждый день. Не вяжись с Августом.

А он меня всё убаюкивал.

– Нет, Клава ты не права, – сказал ей Иван. – Август тут действительно не причём. Ты многого не знаешь. Серёга парень честный и не преступник. Просто жизненное лекало у него фальшивое оказалось, как и его окружение. Ты не переживай он себя ещё покажет. А те, кто его посадили, я им не завидую. Время расставит всё по своим местам.

...В начале лета Сергея Беду отправили на пятую городскую зону, где он встретился с Липой и Черпаком и вновь стал Беркутом

...После побега Захара из милиции Август унаследовал его сарай с голубятней и голубями. Вовке Колчаку в эту голубятню вход был платный, но деньги не он платил, а ему платили. Август каждую неделю ему выдавал за уход пернатой стаи приличную сумму. Иван Беда, тоже не редко обращался к Вовке за помощью. Для него он был палочкой выручалочкой.

Ивану не редко приходилось лечить свой позвоночник в стационаре, а Вовка был безотказен во всём.

Мать Захара, узнав, о сыне неутешительные известия, прописала к себе в двухкомнатную квартиру Августа. Он стал её законным опекуном. А Захар не подавал голоса.

Колчак без троек учился в выпускном классе. Он заметно подрос, как подросли и его интересы. Они стали взрослые, и не было уже такого, чтобы они привязали кому – то к двери презерватив. Их он носил в кармане уже для других целей. Сексуальная революция, как цунами ворвалась в стены школы. Нередко происходило, когда беременные восьмиклассницы бросали школы и становились иждивенками у своих родителей. Мальчишкам в этом плане было легче. Им не надо было посещать женских консультаций и вынашивать плод. Глупые девчонки становились матерями одиночками в четырнадцать лет. Вовка давно забросил подвал, и только зимой он посещал с ребятами его, но уже не для того чтобы поиграть в карты, а пообщаться с девчонками. В этот подвал Колчак переводил почти половину девчонок своей школы, а Надька однажды там наводила уборку и нашла на полке более двадцати

пачек презервативов. После этого она больше в подвал не приходила, но с Вовки по старой привычке глаз не спускала. С Ларой Давидовной Колчак нашёл контакт давно ещё в девятом классе, и она его приглашала неоднократно часто к себе домой на чай, а заодно и побеседовать. Ей было интересно с ним не только говорить, но и спорить на различные темы. Этот начитанный юноша, зачастую в спорах брал верх. В школе они тоже нередко находили время пообщаться между собой и ребята в классе стали замечать, что Лара всех больше внимания уделяет Колчину. Даже Надька стала в тайне ревновать, и открыто психовать, смотря, что Колчин из разряда когда – то опального ученика перешёл незаметно в любимчики молодой учительницы. В выпускном классе он всех лучше знал иностранный язык и свободно изъяснялся с учительницей на немецком языке. Он мог на уроке позволить себе вольность. Отпустить смело на немецком языке преподавателю несколько лестных фраз в отношении её внешности или гардероба. Вовка отлично знал, вряд ли кто сможет разобрать из класса, что он сказал Ларе. Молодая учительница не смущалась его высказываний, и всегда поощряла Вовку, чтобы он не говорил ей. Но главным условием его вольности являлось, чтобы на её уроке он забыл русский язык. Вовка однажды высказался ей в отношении её правильного развода ног и красивого бюста, который она напрасно скрывает под глухими платьями и водолазками. Этой фразой он её поверг. Наконец – то она смутилась до покраснения и посмотрела на Надежду, которая тоже её предмет знала на пять. Надежда никаких эмоций не подавала, но со следующего дня Лара стала надевать в школу открытые платья с допустимыми разрезами на груди. Надька всё поняла, что он произнёс Ларе. Не сказав ничего ей, и Колчину она стала ещё глубже постигать иностранный язык, а Вовку при удобном случае всегда старалась ушипнуть или слегка шлёпнуть по заднему месту. Однажды Вовка не пошёл на урок физики и забрёл в старую двух этажную пристройку школы. Эта пристройка из-за своей ветхости не использовалась и была постоянно несколько лет закрыта на внутренний замок. В этом помещении раньше было всего четыре класса, зооуголок и кабинет медика. Вовка в тот день слонялся по коридору и нечаянно облокотился плечом на обитую дерматином дверь, ведущую в пристройку. Неожиданно дверь поддалась, и Вовка оказался в старом здании похожим на кладбище ненужного хлама. Он знал, что это помещение всех чаще посещает Сурепка – учитель ботаники и завхоз школы. Он так же знал, как и все взрослые ученики, как и весь педагогический коллектив школы, что ботаник не равнодушен к Ларе. Он прилюдно делал ей знаки внимания в виде книг и конфет. А цветы носил практически каждый день в любое время года.

Ботаник был скуластым мужчиной с редкими волосами на голове. Ему было тридцать пять лет, но выглядел он значительно старше, не смотря, что одевался он всегда с иголочки. Вообще, как считал Вовка, профессия учителя ему не шла. Он был больше похож на одного из членов Сицилийской мафии. Толстый золотой браслет на запястье правой руки и богатые фирменные часы говорили о его состоятельности. Никак у Вовки в голове не укладывалось, что этот упакованный с ног до головы человек может интересоваться одуванчиками и лишайниками. С первого взгляда незнающий человек мог ошибочно принять его за крутого мафиози или успешного банкира. Нередко от него с запахом дорогой туалетной воды исходили пары спиртного. В таком виде он безбоязненно мог прийти в школу и посередине урока покинуть класс, уйдя в свой зооуголок. Создавалось впечатление, что он свою работу не любит и ей не дорожит. Сегодня как Вовке показалось, он был то же немного пьяненький. У Сурепки после второго урока в столовой выпал стакан с компотом. Когда Вовка посмотрел на него, то увидел, что у него глаза были туманные. Колчак протянул ему свой стакан, но он растерянно посмотрел на Вовку и резко удалился из столовой.

«Наверное, Сурепка в этой пристройке спит, после запоя», – подумал Вовка, войдя в старое помещение.

Он обошёл весь первый этаж. Чего там только не было. В коридоре и классах стояли нагромождённые друг на друга, почти до потолка, отслужившие свой век парты, бочки с краской, старые пишущие машинки, карты, глобусы, портреты всех членов политбюро разных годов и пионерская атрибутика от горнов до знамён. Всей этой рухляди место было только на свалке. Он склонился над горой сваленных в углу барабанов и горнов. Порывшись в куче, извлёк оттуда медный горн с вымпелом.

– Надо будет Жиге или Педро задарить, – пробормотал себе под нос Вовка, – может на день пионерии во дворе «Полёт шмеля» исполнят на этой дудке.

Колчак с горном в руке обошёл тихо все классы и поднялся на второй этаж. Когда подошёл к зооуголку, то услышал возню и знакомые стоны. Он был уже взрослый и отлично понимал, что раздаются они не от боли и испуга, а от сладострастия. Эти стоны издавала Лара, та женщина, которую с некоторых пор он боготворил, как первую красавицу школы. Лучше и красивее её для Вовки учительницы не существовало в школе. И Лара ощущала, что этот повзрослевший мальчик проявляет к ней уже не детский интерес. Поняв это, она прекратила приглашать его к себе на чай, так – как с ней, после смерти своей матери стала жить Надежда Крупица, а при ней Колчин всегда становился наглее и неловкости никогда не испытывал. Он намеренно злил Надежду и старался показать своим поведением, что Лара относится к нему с большим уважением, чем к ней.

...Вовка прислонился к двери, стоны не утихали. Его обдало жаром. Он почувствовал, как пот побежал по его телу. Его заколотило, он был до предела взволнован. Ему было противно даже думать, что его любимую учительницу, можно сказать близкого друга, кто – то имеет права обнимать. Вовка, насмотревшись порнографических фильмов, по своей юношеской наивности думал, что Лара когда – то обязательно будет его женщиной. И если бы не присутствие в комнате Надьки, она бы его соблазнила. Слишком далеко у них зашли интимные разговоры на немецком языке. Так ему казалось.

На самом же деле, в данный момент Ларе был симпатичен этот мальчишка с длинными, как у куклы ресницами и готовила она его усиленно к областной Олимпиаде школьников по иностранному языку. Но, то, что женщины непредсказуемы, это популярное утверждение относилось и к ней.

...Вовка резко дёрнул на себя дверь, и к его несчастью она была не заперта. Он не поверил своим глазам. Жёлтое платье Лары валялось на полу. Сама она полуобнажённая сидела на столе, где раньше стоял аквариум, а голова её лежала на плече голого Василия Николаевича. Увидев Колчака, она зажмурила глаза и спрятала голову за грудь ботаника. Сурепка стоял задом к Вовке и его он не успел увидеть. Так, как Вовка запустил ему в спину пионерский горн и, хлопнув дверью, стремглав выбежал из пристройки. Не дожидаясь конца уроков, он покинул школу. Домой он не хотел идти. В подвал тем более. Нашупав в кармане ключи от сарая Захара, он полез на голубятню.

Когда Август был в длительной командировке, Вовка с Никитой ежедневно посещал голубятню. Никита с осени служил в армии, поэтому всю опеку за голубями взял на себя Вовка. Он мог часами просиживать с голубями особенно в те дни, когда не было тренировок. Иногда готовил там и домашнее задание, так как этому сараю не страшны были ни какие лютые морозы. Этот сарай был без одной щели, утеплённый сухой штукатуркой и оборудован мощным электрическим камином. Вовка залез на второй ярус, где ворковали штрассеры, якобинцы и другие виды голубей. Насыпал им корму и, взяв одного в руки, он положил его себе за пазуху. Он всегда так делал, когда на душе было плохо. Этому его ещё в раннем детстве его научил дядька Иван.

«Даже кошка с собакой, не могут лучше, чем голубь успокоить расшатанную нервную систему», – говорил Иван, – «эта птица в высоте заряжается необыкновенным целебным свойством, которым она охотно делится с человеком».

...Часов у Вовки не было, и сколько он просидел в такой позе определить не мог. Очнулся он, когда услышал противный скрип двери.

«Кто бы это мог быть? – подумал он, – но что это был не Август, он знал точно, так как он покинул город на две недели по своим делам. И за голубями доверил присматривать Вовке. Иногда Вовке помогал кормить голубей Марек.

– Марек это ты? – крикнул сверху Вовка, не вставая с насиженного места.

Голубь, у него прижавшись к голому телу, приятно ворковал и он не хотел его тревожить.

– Залезай сюда, зерно не поднимай вверх. Я голубей покормил, – сказал он.

Он слышал, как кто – то взбирается по лестнице, но к его удивлению из люка показалась голова Лары.

– Вы, – расширил он и так свои большие глаза, – как вы меня нашли здесь?

– Мне Надежда сказала, что тебя только здесь в это время можно найти, – сказала Лара.

...Она осмотрела с любопытством голубятню, но присесть не решилась. На её лице Вовка не заметил ни стыда, ни других угрызений совести. Будто в бывшем зооуголке ничего постыдного с её стороны не было несколько часов назад.

– Владимир, мне с тобой надо предварительно поговорить, чтобы ты не брал в голову ничего плохого. У меня сейчас мало времени, и я тебя прошу сейчас только об одном. Ты взрослый уже юноша и по моим сведениям давно уже не мальчик и должен меня понять, как старшего друга. То чему ты сейчас был свидетелем, это был не разврат, даже и не страсть, а жалость к человеку, которого постигла жизненная катастрофа. Если ты пожелаешь, позже мы с тобой можем обсудить подробно, как тебе кажется не красивую ситуацию, созданную женской слабостью с моей стороны.

Вовка встал с ящика, придерживая голубя за пазухой, и не сводя своего миротворческого взгляда от учителя, сказал:

– Не надо меня Владимиром называть. Из ваших уст это имя произносится не естественно и отдаёт холодом. Называйте меня как обычно Вовка.

– Я при всех в классе не позволяю себе так тебя называть, – ответила она.

– А мы не в классе находимся, а в компании пернатых, так, что про этикет можете забыть. Вы же на улице, и у вас дома не называете меня Владимиром или Володей. Я там для вас, как и для друзей, Колчак и Вовка.

– Хорошо Вовка, если тебе так нравится, – сказала она с серьёзным видом.

– Садитесь, Лара Давидовна? – подвинул он ближе к ней ногой деревянный ящик, на котором до этого сам сидел.

– Я знаю вам сейчас неловко передо мной и на душе скверно. Вы сейчас представьте, что меня не было там, и я ничего не видал.

Он положил её руку на плечо, и слегка применяя силу, усадил на ящик. Она, откинув полу плаща покорно села:

– У меня за пазухой воркует голубь, – сказал он ей. – Не простой голубь, я вам скажу, а Нюрнбергский багдет, – чистокровный ариец. Захару из Днепропетровска привез парочку один циркач. Возьмите его в руки и нежно поддержите около лица или, спрячьте его за платье, чтобы вы его ощущали пёрышки голым телом. Посмотрите, что через десять минут ваше плохое настроение улетучится, и у вас появятся только приятные мысли. Не бойтесь – этот голубь чистюля, он вас не измарает. Это аристократ, а не какой – то дикий сизарь, который способен испепелить голову человеку с высоты.

Вовка вытащил голубка из – за пазухи и протянул ей.

Она двумя руками нежно взяла голубя и осторожно прижала его к своей щеке. Голубь в её руках урчал и ворковал, не пытаясь улететь у неё с рук.

– У брата все голуби высшие, – начал Вовка ей объяснять всю орнитологию Августа. – На первом ярусе у него павлиньи голуби, а на третьем Бельгийские почтальоны. Здесь на втором ярусе смесь, но тоже не простая, а элита.

– У тебя и брат элитный, – заметила Лара, не убирая голубя от щеки.

– Какого брата, вы имеете в виду?

– Ну конечно Сергея. Я смотрю у него и машина новая и катер богатый. Только не пойму, почему он, имея большие деньги, не может себе квартиру в элитном доме купить? Он же вроде с вами живёт? – спросила она.

– Эта голубятня не Серёгина, а моего двоюродного дяди Захара, хотя мы с Сергеем его за брата считаем. Голубей же в основном покупал для Захара другой двоюродный брат Август. Он как в командировку поедет, то непременно привезёт парочку голубков. У Августа нет ни машины, ни катера. Он далёк от техники. А катер богатый, про который вы говорите, принадлежит Захару Минину. И им пользуются практически все наши родственники. У Захара и машина шикарная есть. Он вообще мужик зажиточный. У моего Серёги тоже есть автомобиль Чайка, но на нём он сейчас не ездит, и вы знаете почему.

– Я ровным счётом ничего не знаю, – сказала она.

– Мне кажется, половина населения нашего города знает, что Сергей Беда приговорён к пяти годам лишения свободы. Как говорится, заимел своё безопасное жильё.

– Надо же, я этого не знала, – сокрушалась она, – такой приятный и интеллигентный мужчина.

– А главное холостой, – резюмировал Вовка, – Август тоже богатый, а окольцовываться не желает.

– А ты не мог бы меня с ним поближе познакомить? – неожиданно сказала она. – Я его знаю, но немного. Мы с ним только здороваемся, но никогда не разговариваем.

– А зачем вам его знакомство? – спросил Вовка, – вы же хорошо знаете, кто он такой и люди вашего круга, наоборот, от него чураются и на сближение никогда не идут.

– Я всё прекрасно понимаю, кто он такой, но ты у меня видал в квартире комод стоит старинный оставшийся от деда. Вот я хочу у него попросить, чтобы помог мне его продать.

– Комод хороший спору нет, но я вам покупателей могу найти на него и без Августа. Моя мать может купить ваш комод. Нам Серёга денег много оставил. Он хорошо раскрутился на своих коммерческих операциях.

– Я конечно не против такого варианта, но у меня кроме комода много других вещей осталось после деда, которые заинтересуют любого ценителя старины. Я думаю, твой Август всех лучше справится с ролью посредника. Его никто не посмеет обмануть, а меня женщину запросто могут кинуть, как сейчас, выражается молодёжь.

– Вот он приедет из Мукачёва, так я вас с ним и сведу, – пообещал Вовка.

– Ты представляешь Вовка, – впервые она ему сегодня улыбнулась. – А действительно мне намного лучше стало от твоего голубя. Просто невероятно! Неужели голуби, как и многие другие представители флоры способны положительно влиять на организм и настроение человека?

– Насчёт голубей вы можете не сомневаться, эти умные птицы проверены всеми нашими голубятниками. Правда, настоящих голубятников мало сейчас осталось, не то что пять лет назад. Отец Жиги вообще считает, что голуби с богом общаются, а мой дядька Иван ему говорит, чтобы он нам такую муру не гнал. Бога говорит, не было, и нет. Есть говорит вселенная, природа и смерть. Каждый из этих трёх факторов значительно сильнее человека.

– Ты в него такой умный пошёл? – взяла она Вовку за руку и пристально посмотрела ему в глаза.

– Иван Романович грамотный с ним в полемику бесполезно встречать. Он любому мозги вправит в свою сторону. – Вовка перевёл свой взгляд от неё на голубя, но руку убирать не стал. Он чувствовал, как от её прикосновения по его телу пошло приятное тепло.

– Я знаю прекрасно Ивана Романовича, но про его религиозные суждения слышу от тебя впервые, – сказала она. – А ты – то сам как считаешь, бог есть?

– Я не считаю, а убеждён и придерживаюсь, точки зрения Ивана Романовича, – сказал Вовка. – В том споре с отцом Жиги, он доказал, что бог не наказал ещё ни одного нациста, так же как Витебского душителя Михасевича и ему подобных мерзавцев, а карал всех закон.

«Жалко говорит, что хороший народ, как мухи вымирают. Даже маленьких детей смерть не щадит. И не надо людям мозги засорять, что смерть человека богу угодна. Если существует бог и смерть, то смерть могущественней бога. То и молится, ей надо, чтобы досрочно тебя не приютила в свою люльку».

– Возможно, Иван Романович и прав, а то, что людей в церквях больше стало, то вероятно это веяние моды, – сказала Лара.

– Они тогда долго спорили, – продолжал Вовка, – и всё – таки дядька убедил его в своей правоте. Хотя в церковь отец Жиги, как и прежде по субботам регулярно ходит. Я вот ни разу там не был, потому что я не крещённый, – шёпотом произнёс Колчак, словно это была большая тайна.

– На мне тоже креста нет, и не было никогда, – сказала Лара, вставая с ящика.

Она передала Вовке голубя, которого он сразу выпустил из рук. Затем она вплотную подошла к нему и поцеловала его в щеку:

– Спасибо тебе мой хороший человечек и прости меня? – проговорила она и спустилась вниз. Выйдя из сарая, она плотно прикрыла за собой дверь.

Лара в эти минуты была очень благодарна ему, что он нашёл в себе силы не упрекнуть её, а мудро перевёл весь разговор на другую тему. Это была тактичность интеллигентного молодого человека. А в надёжности его языка она была твёрдо убеждена. Лара знала хорошо Колчака, и болтать языком о женщине, от которой Вовка глаз не сводит, он не позволит никогда. Лара давно сумела проникнуть в его душу, где она видела там отпечатанную чистую юношескую любовь к своей персоне.

А Вовка после её поцелуя долго стоял в оцепенении. Он размышлял, как расценить её поцелуй, то ли отнести его к извинению, то ли к проявлению симпатии.

– Как угодно, – сказал он себе, – главное этот поцелуй меня оживил и поднял настроение. Кто знает, может этим поцелуем она приоткрыла дверку к своему сердцу?

Он слез с голубятни и запер сарай.

...После того, как Вовка стал свидетелем интима двух учителей, отношения между ним и Ларой не испортились, и дистанция для сближения не сократилась, хотя Вовка и не избегал её. В тайне он ждал от неё смелого безрассудного шага и всегда улетал в своих фантазиях к учительнице в объятия и растворялся весь в ней. Но Лару словно подменили. Она была всегда сдержанна с ним и даже на немецком языке с Вовкой разговаривала только по программе и ничего лишнего. Колчак понял, что никакой Олимпиады не будет, но он ошибся. Олимпиада состоялась чуть позже, где он занял второе место. Великой радости от второго места он не испытывал. Это был не его пьедестал, какой он занимал в спорте, и поэтому Вовка утратил интерес к иностранному языку и перестал выполнять домашние задания и разговаривать с ней на свободные темы.

...Сурепку в школе он больше не увидит, после того дня. Находясь тогда в своём кабинете с Ларой, в интересном положении, ботаник был уже уволен с работы и этот день был его прощальным не только со школой, но и с Ларой.

В начале марта перед женским днём они с Августом нанесли визит своей учительнице. Дверь входная была приоткрыта. Они смело переступили порог комнаты. На диване в спор-

тивном костюме с книжкой в руках валялась Надька, а рядом с нею сидя в кресле, проверяла ученические тетради Лара. Сам Вовка задерживаться в комнате не стал. Он быстро покинул жилище своей учительницы, ни с кем не попрощавшись.

Появится он в этой комнате спустя пять лет, но уже не учеником, а вполне созревшим мужчиной.

Его хоронили без салюта, но почестей и венков было множество. Хоронили криминального авторитета вора в законе Захара Минина, – дядьку Вовки Колчина и Сергея Беды. Его нашли в Волге запутавшимся в сети, которые, похоже, зацепились за винт неизвестного речного судна. Хоронили в закрытом гробу, тело было до неузнаваемости изуродовано и прозимовало около четырёх месяцев подо льдом. Хотя самого Захара в городе не видели больше трёх лет. Опустили его по татуировкам. Когда гроб опустили в могилу, тридцать белых красавцев голубей взмыли ввысь, прощаясь со своим хозяином. Несмотря, что больше половины голубей были куплены Августом, принадлежали они все именно Захару. А если быть точнее, то в последнее время хозяин голубей был один – это Вовка Колчак. Он умело за ними ухаживал и надо сказать, что таких красавцев не было ни у одного голубятника.

С кладбища все шли понурые и шёпотом обсуждали его залихватскую прожжённую криминалом жизнь.

Позже всех покидали кладбище Иван Романович Беда со своей женой Мананой. Рядом с ними шли Сева Пескарь – лучший друг Захара, и Вовка Колчин. Вовка в эти дни тщательно готовился к выпускным экзаменам и имел все перспективы окончить школу с золотой медалью. Но мысли о медали, он задвигал на второй план. На первом месте у него была Лара. Мысли о ней серьёзно повлияли на его успеваемость. Он о ней думал постоянно. Прогнать эти думы от себя он мог. Но порой не хотел сознательно лишать себя приятных и виртуальных грёз. Чтобы отвлечься от сверлящих мозг мыслей он усиленно стал тренироваться, после чего уходил в бурлящее русло улицы, где среди друзей он всегда был фигурой номер один. Школа отошла у него уже на третий план после Лары и спорта. А ещё для него был важен личный приоритет на улице. Завоевал он его сам без чьей либо посторонней помощи. Но все также знали, какая большая и могущественная родня у Колчака. Хотя Вовка никогда этим фактом не спекулировал. Но всё равно сам того не ведая он постоянно находился под опекой своей многочисленной родни. В последнее время с него не спускал своих зорких глаз Август. Он покровительствовал Вовке во всём и везде. Август был уважаемый и авторитетный человек, и эти характеристики делали его неприкасаемым. Некоторые бандиты к нему ехали, как к арбитру с разных концов. Августу предлагали крупные должности в кооперативном движении, но он отказывался. Его устраивала работа, в которой он ориентировался как рыба в воде. Его устраивал уклад жизни, который он создал себе сам. Он был свободным человеком и мог в любое время сорваться из города. Он мог запросто выписать себе командировку в другой регион. Он мог не выйти на работу, и никто ему не скажет, почему он прогулял день, два, и больше. Все зависели от Августа. Так – как деньги в качестве второго оклада они получали по разработанной им схеме.

...Август шёл по кладбищу удручённым, смахивая незаметно со своего лица слёзы. Ему не хотелось, чтобы, кто – то видел, как непроизвольно эта скорбная влага выступает на его глазах. В нелепую смерть Захара мало кто верил и домыслы, что с ним произошло, были разные. Август точно знал, что Захар умер не своей смертью. Впереди постоянно оглядываясь в сторону Колчака, шла Лара и Надька Крупа. Она из детского дома на законном основании переселилась жить в старый двор к своей учительнице. На днях Лара Давидовна удочерила Надежду.

В последнее время Лара к Вовке проникалась большим вниманием, чем прежде. Она старалась показать, что озабоченна судьбой Колчака, не меньше чем его друзья. Лара постоянно его призывала штудировать математику и иностранный язык, который он после Олимпиады совсем, забросил.

...Вовка не знал, да и никто не знал, кроме самой Лары и Августа, что Надежду она удочерила благодаря фиктивному браку с Августом.

Когда Вовка привёл к Ларе Августа, на следующий день Август договорился в загсе об ускорении брачного процесса, где их за считанные минуты зарегистрировали.

Отныне, формально и неформально Вовка, Лара и Надежда являлись родственниками.

На кладбище Лара с Августом не показывали своего родства и вели себя словно мало-знакомые люди. Старались и друг к другу не подходить. Да и обстановка не располагала к общению. От весеннего кладбища веяло духом скорби и траура. Растаявший снег, вперемежку с жидкой грязью хлюпал под резиновыми сапогами и издавал противное смачное чавканье, от чего навеивало на мрачные размышления. Все шли, молча, и как бы прислушивались к звукам отпечатков своих следов. И только красногрудые и толстые снегири, сидевшие на развесистых ветках, слившись с гроздьями прошлогодней рябины, скрывали утрюмость и немного вуалировали плохое настроение.

...Иван Романович шёл, молча, и ни с кем не разговаривал. Он вспоминал разговор с Августом, когда однажды сказал ему относительно цыганского цвета Волги универсала Захара, что машина Минина больше похожа на катафалк. И что стреляют по ним чаще, чем по другим машинам.

«Но откуда взялись сети? – ломал он голову. – Захар никогда ими не ловил. И рыбу он ловил только летом, но, никак не осенью. Промозглость он терпеть не мог. Захар любил тепло».

– Вот и проводили мы в последний путь близкого нам человека, – с мрачным видом сказал Сева. – Вроде и отвыкли от него за последние года, но ощущение его отсутствия было, одушевлённое. Ощущение, что он рядом, витало.

– А сейчас траур витает, – вторил ему Вовка Колчак и продолжил:

– Мать так и не знает, что нет больше её сына. И говорить ей правду, я думаю ни к чему. Она еле ходит, может сердце не выдержать.

– Молодец Вовка! – потрепал его Август, – правильным человеком будешь.

– Я не хочу быть правильным, – хочу быть настоящим, – ответил ему Вовка, – чем вызвал неподдельный интерес к себе у Севы:

– Ого! Это не щебечущий звук из скворечни. Слышу разум и правильные мотивы сердца. Растёшь Вовка! – и, повернувшись к Августу, сказал:

– Берегите его, ему не место в наших университетах.

– Захара менты убили, – высказал свою мысль Иван Романович, – никто против него не только слова не мог сказать, но и дыхнуть боялись в его сторону.

– Ничего ребята, – произнёс Сева, – может, настанут такие времена, когда таким правильным людям памятники будут возводить, не только на кладбищах, но и на площадях, где будет написано золотыми буквами, – «Погиб от рук оборотней в погонах». Хотя мёртвым они вроде бы и не к чему, но всё равно родственникам, какое – то утешение будет. Жизнь непонятная. Сейчас ты есть, завтра тебя нет. И никто особо горевать о покойном не будет после похорон. Вы посмотрите, как растут кладбища. Жилые дома такими темпами не возводят. Если не замочат, то на нары в лучшем случае упрячут.

С похорон в автобусе Вовка Севе рассказал о последнем разговоре с Захаром, который произошёл больше при их последней встрече.

– Он наказывал мне, при скверных обстоятельствах, всех голубей тебе отдать. Августу говорил, некогда ими будет заниматься. А у Севы опыт большой по голубям и жизнь спо-

койная. А ещё он мне рассказал про старый погреб. Там лежит свёрток для тебя и деньги на два памятника, один для него, а второй для женщины, рядом с которой его похоронили.

Вовка тяжело вздохнул:

– Наверное, он знал, что с ним приключится несчастье. А вот когда именно не догадывался.

– Что, так и сказал про завешание и памятники? – изумлённо спросил Сева, – значит, смерть его была не случайной, а кто – то преднамеренно шёл за ним. Но тёрки у него, ни с кем не могло быть, ни с быками, тем более с блатными. Это я точно знаю. Выходит его окунули или менты или рыбнадзор. Нельзя одному выходить на Волгу. На реке, как и в тайге всякое может случиться, – полушёпотом говорил Сева. – Голубей, конечно, я не буду забирать. Я вижу ты им хозяин первый, а не Август. А в память о нём, я возьму себе только одну вещь, но это после сорока дней. У него в сарае полы устланы фанерным краем, под ним разрушенный погреб. Тебе Вовка, одному не управиться. Возьми, в подмогу родственника или лучшего друга, которому доверяешь. Край подымете, и все кирпичи из погреба выкиньте. В самом низу будет лежать щиток электрического рубильника. Откроете щиток, возьмёте свёрток в тёмном лоскуте. Спрячьте его недалеко, но хорошо и не под фанерный край. Чтобы Август его не нашёл. Ему этот свёрток совсем ни к чему.

Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ

Колчака забрали из дома утром, в воскресный день. Он проснулся в прекрасном настроении и когда сидел на кухне с матерью за завтраком, в квартиру длительно и непрерывно позвонили. Мать пошла, открывать дверь. На пороге стоял участковый Мухин.

– Я прошу прощения, но мне необходимо повидать вашего младшего сына. Страшного ничего нет, просто для формальности, нужно провести опознание.

– Когда вы его только в покое оставите? – запричитала мать, – скоро терпение моё кончится, и я буду жаловаться. Мальчишка никуда не ходит, всеми днями за книгами сидит, к экзаменам готовится, а вы постоянно в чём – то его подозреваете.

– Я человек подневольный, как и все смертные. Мне сказали доставить его, что я и делаю.

Вовка, отставив в сторону завтрак, молча, оделся и вышел. У подъезда стояла спецмашина. Он оглянулся по сторонам и, убедившись, что рядом нет любопытных Нафталинов, с неохотой залез в машину

В милиции его провели в знакомый кабинет, куда не раз за драки и другие хулиганские поступки вызывал к себе майор Гридин. В этот раз майор был в штатском костюме не как раньше. Зализанные назад волосы, свисали ему почти на уши, и он их беспрестанно поправлял. Он вежливо предложил Вовке присесть на единственный свободный в его кабинете стул:

– Итак, старый знакомый, – обратился он к Вовке, – никак ты не хочешь меня без работы оставить. Думал, в воскресенье отдохну, но вот начальство по твоей милости срочно вызвало меня заняться внеочередным твоим хулиганским фортелем. И если подтвердится твоё участие в совершённом преступлении, то тебе уже ничего, и никто не поможет. Говорю это со всей ответственностью. Тюрьма, тебе гарантирована.

Вовка держался спокойно, зная, что в последнее время ни в драках и ни в каких других противозаконных действиях не участвовал.

– Ответь мне, где ты вчера был вечером между девятнадцатью и двадцатью часами? – спросил Гридин.

Вовка вначале замер, ожидая более каверзного вопроса. Он облегчённо вздохнул и сказал:

– Вчера вечером я был в это время дома и смотрел телевизор, шла передача КВН.

– Скажи, а кто кроме матери может подтвердить твои слова? – Вопрос я задаю важный, который может снять с тебя все подозрения, или наоборот лишить тебя свободы.

– Я знаю, что такое алиби и моё пребывание дома в интересующее вас время я находился дома. Можете, у матери спросить.

– Обязательно спросим.

В это время в кабинет зашла мать. Сердце её не выдержало, и она приехала следом на такси:

– Да, да он вчера вечером из дома никуда не выходил. Это могут подтвердить наши соседи Максаковы, которые были у нас в гостях вчера, – подтвердила мать показания сына.

– Это мы узнаем без проблем, – ответил ей майор.

...Гридин снял телефонную трубку и позвонил, что бы к нему срочно доставили в кабинет городского таланта и потерпевшего Ивановского. Когда он звонил, то пристально, не отводя глаз ни на секунду, смотрел на Вовку и карандашом по столу выбивал замысловатый ритм похожий на кубинскую румбу.

В кабинет вошёл щупленький паренёк, который был похож на скрипача или коллекционера открыток. В школе и на улице таких парней, называли «Целеустремлённые чижи» или просто чижики.

Ивановский в руках держал носовой платок, прикрывая им, разбитые губы и на Вовку не обращал никакого внимания. По его первому взгляду Гридин понял, что с Колчиным произошла внеочередная осечка. Вовка неоднократно срывался у него от уголовного преследования, умно изворачиваясь, создавая себе алиби.

– Объясни Серёжа, что вчера с тобой произошло вечером? – задал он вопрос парню.

Убрав платок в карман, Ивановский кашлянул в кулак:

– Я шёл вчера с изостудии со своей последней работой, которую я писал для выставки «КОСМОС». На улице Воровского ко мне подошли два парня, которых я видел впервые и стали просить у меня бабки. Я в этот день был без денег, и естественно дать мне им было нечего. Тогда светлый парень с мясистым носом вырвал у меня картину. Потом ударил меня вначале в плечо, затем два раза в лицо. А второй с подстриженным затылком лазил по моим карманам, забрав электронный калькулятор, ключи и записную книжку. Она для меня очень дорога, так как мне её подарил известный космонавт. Он занимается, темой космоса, – тем – же творчеством, что и я – пояснил он. – Очистив мои карманы, парень тот, что лазил по ним, сказал, что в следующий раз для Колчака деньги носи всегда, иначе постоянно будешь получать в них. Пока я вытирал кровь с носа и губ, они спокойно ушли, прихватив с собой мою картину.

...Вовка понял, что за парень стоит перед следователем, – это был известный и подающий надежды молодой художник Сергей Ивановский, – учащийся четвёртой школы, о котором писали все газеты. Его художественная тематика была, космос. Творчество Сергея Ивановского молодого художника, заинтересовало одного из знаменитых космонавтов страны, потому, что на досуге он предавался аналогичному искусству. И они, где – то встречались на публике, о чём печатали местные газеты.

– Значит, ты говоришь, что до этого ты тех ребят нигде не видел? А вот этого молодого человека ты не знаешь? – спросил майор у Ивановского, показывая на Вовку.

– Визуально знаю хорошо, у меня великолепная зрительная память. Особенно на лица, но лично с ним не знаком, – ответил художник. – Мне приходилось с ним встречаться на улице и на стадионе, – добавил Сергей.

– Я тебе сейчас его представлю, – если ты с ним не знаком, – сказал Гридин. – Перед тобой находится Колчин Владимир, которого все кличут Колчаком. Второго Колчака у нас

в городе нет, а та шпана, видимо были самозванцы, прикрываясь его кличкой, – сделал приятное заключение для Вовки Гридин.

– Мне понятно это было сразу, что вы не того привели, – тихим голосом произнёс художник. – Когда я находился у дежурного, время зря не терял. На листе, я составил портреты тех ребят. По ним их вполне можно разыскать.

...Иванов достал из кармана вчетверо сложенный лист бумаги и протянул его майору. Тот посмотрел на него, а затем протянул Колчину:

– Взгляни внимательно, может, признаешь кого? – при этом он впился своими глазами в Вовку.

Колчак покрутил листок в руках и вернул его назад Гридину:

– Нет, таких лиц, я не встречал и не знаю, – заверил он майора.

...Ему было трудно сдержаться и не выдать себя в этот момент. Он ни одним мускулом своего лица не показал, что знает их хорошо. На него смотрели парни с третьей школы, которые жили на улице Чапаева, и для Колчака они считались мелкой шушерой, – это были Вилки и Лёха Нобель, имея на своей лицевой вывеске, толстый и постоянно дрожащий, как студень нос.

– Пускай будет так, – раздражённо сказал Гридин, – хотя я не верю тебе. Знаю, что в городе с таким полётом ты всех своих одноклассников знаешь, которые и тебя знают, как облупленного. В чём я не сомневаюсь. Не хочешь нам помочь, ну и на здоровье. Мы их без твоей помощи найдём.

Гридин, несмотря на Вовку, извинился перед матерью и Колчаком за беспокойство, проводил их до выхода.

...Колчак не откладывая дело в долгий ящик, так как возмущению его не было предела, выйдя из милиции, бросился искать двух молодчиков, из-за которых ему пришлось провести неприятный разговор с сотрудником милиции. По словесной мальчишеской почте он разыскал их на стадионе Спартак. Они сидели втроем на трибуне и резались в карты. Третий Вовке тоже был известен, – это был птицелов по кличке Клёт. Он занимался ловлей птиц и продавал их на рынке. В школе он не учился и нигде не работал. Колчак спокойно подошёл к ним, поздоровался и присел на трибуну:

– Клёт, сходи, прогуляйся, – обратился он к птицелову, – нам поговорить надо. Придётся минут через десять.

Клёт забрал с коня свои деньги, положил карты и молча, спустился с трибуны. Вовка не вставая с места, ударил пятернёй по лицу Вилки, от чего, тот завалился на другой ряд.

Лёха Нобель, испугавшись, сорвался с места и как заяц начал прыгать по рядам, до тех пор, пока не добрался до нижних мест.

– За что Колчак? – слезливо взвыл Вилка.

– Ты шакал, у кого вчера по карманам шарил? – Знаешь? – ударил ещё раз его Колчак в грудь. Ты знаешь, что по вашей милости меня в ментовке терзали, как врага народа?

– Ты – то здесь причём, – закрывая лицо обеими руками, ныл Вилка.

– А кто прикрывался моим погонялом, – ударил Вовка сверху по голове Вилки.

– Да не Колчак, я говорил, а Копчак. Фамилия у меня Копчаков, – поняв, чем выразилось недовольство Колчака.

...Вовка не знал, что он носит такую фамилию, всегда считая, что кличку Вилка он получил от фамилии Вилков. От такого известия ему стало не по себе. Но отступать смысла не было. Показывать мягкость своего характера перед отморозками он посчитал излишеством.

– А что ты залез в чужой карман и паспорта своего не оставил? – иронически спросил Вовка, – какой же умник совершая преступление говорит своему потерпевшему фамильную кличку? Не разумно поступаешь Вилка. Созвучие похожее прослушивается здесь Кол-

чак – Копчак. Мне, конечно, наплевать, что вы натворили. Вас милиция не сегодня, так завтра обязательно найдёт. Художник Ивановский, – городская знаменитость, нарисовал ваши портреты. А вы избили и ограбили именно его. Если я вас узнал, то менты и подавно найдут. И они уже рыщут с этими портретами по городу. Опрашивают всех ребят нашего возраста. Картину художник готовил на выставку, и записной книжкой он очень дорожит. Теперь размышляйте, как выпутываться будете. Думаю, в первую очередь пока вас менты не повязали нужно вернуть всё его вещи, а потом вести с ним разговор о перемирии. Перепуганный Виллок, сразу засуетился и крикнул стоящему внизу Нобелю, который слышал весь разговор:

– Что делать будем Лёха?

– А мне, откуда знать? – развёл он руки.

Вовка, проходя мимо Нобеля, врезал ему сильную оплеуху, от которой тот завалился под ряды.

– Вот так справедливо будет, – бросил он ему в лицо и пошёл домой, удовлетворённый, что наказал шпану.

ТАЙНИК

Разбирать обвалившийся погреб в сарае одному было сложно. И Вовка решил в воскресный день пригласить Марека.

Они, вооружившись маленьким ломиком, сорвали с пола фанерный кряж и сложили его у стены в стопку. Перед их глазами вместо погреба лежала куча отсыревших и побитых кирпичей. Работы было много, но деваться было не куда. До щитка надо было добираться. Они носилками стали выносить кирпичи к контейнерам для мусора. Почти четыре часа ушло на их работу. Когда последний кирпич лёг на носилки, ребята осознали, что погреб был пуст и никакого металлического электрического щитка не просматривалось:

– Ни на Захара, ни на дядю Севу это не похоже, – огорчённо произнёс Колчак, – не могли они так подшутить надо мной.

– Может, попробуем капнуть? – предложил Марек.

– Будем пробовать, – сказал Колчак и взял в руки ломик.

Этим ломиком он начал прошивать глинистое дно погреба. Почти на дуршлаг было похоже дно от лома, но звук инородного предмета не ощущался.

Ломик взял Марек и стал им проверять бока погреба.

Он глубоко засопел, когда услышал глухой звук. Ломик упёрся во что – то твёрдое:

– Вот он тайник, – радостно воскликнул Марек.

Вовка взял в руку сапёрную лопату и стал усердно отковыривать пласты глины. Ранее щиток был помещён в подготовленную глиняную нишу и выполнял функцию сейфа. Но когда надобность в нём отпала Минин замаскировал его. – Так подумали ребята. Они открыли крышку щитка и помимо свёртка обнаружили тяжёлый свёрток, обернутый в байковую материю и перевязанный чёрной изоляционной лентой.

Разорвав ленту и развернув свёрток, они ахнули. На материи лежал настоящий немецкий нож, со свастикой на ручке, и весь в смазке пистолет системы Вальтер с двумя дополнительными обоймами к нему.

– Ничего себе, вот это арсенал, – присвистнул Вовка. – Марек ты молчи, никому не говори, что мы с тобой нашли. Эта вещи хорошие, но не наши. А так я бы эту память о Захаре оставил себе.

– Смотри лучше нутро этого ящика, – сказал Марек, – может Захар и тебе память о себе оставил.

Вовка отложил свёрток на грунт и стал тщательно в полумраке щупать внутри щитка:

– Ты прав Марек, – вытащил он из щитка небольшую обувную коробку. По её размерам можно было судить, что коробка была от детской обуви и тоже, как и свёрток перевязана изоляционной лентой.

Вовка в руке примерно взвесил коробку:

– Здесь точно не Вальтер. Больно лёгкая коробка. Наверху посмотрим, – сказал Колчак, – здесь видимость неважная.

Когда они открыли коробку, то к их удивлению они нашли наверху в слюдяной упаковке женский лёгкий под цвет граната шарф и такого же цвета перчатки. Затем Вовка достал две пачки трёх рублёвых купюр. Новые богатые золотые серьги, и перстень с гранатовыми камнями. А так – же два обручальных кольца. На всех изделиях висели бирки. На дне коробки лежал чёрный пакет для фото. Вовка открыл его и достал оттуда четыре фотографии. Две фотки были Захара, а две красивой женщины лётчицы.

– Это Нина Зарецкая, – сказал Колчак, – и всё что здесь лежит, предназначалось ей. Это для памятника он фотографии и деньги положил. Кто она ему я не знаю, но догадываюсь. И поэтому волю покойного, мы с тобой должны выполнить через год. Вместо дерева у них на могилах будет мрамор. То что она Нина я знал. Мне Захар про неё много рассказывал. Любил он её до безумия. Но то что Захар планировал лечь в могилу рядом с ней, для меня это новость.

Напрягая свою зрительную память, Вовка ещё раз внимательно всмотрелся в фотографию женщины:

– Красивая тётя, – сказал он, – кого – то она мне напоминает?

Марек взял фотографию в руки и, прищулив глаза, определил:

– Это Татьяна Доронина, что в Мачехе снималась. Хорошая актриса. На неё Надька Крупа немного смахивает.

– Скажешь тоже, – вырвал фотографию Вовка, – мы с Надькой в одном корыте в детстве полоскались. Она на свою мать похожа.

– С Севой Пескарем Колчаку не суждено было встретиться в ближайшие дни. Колчак с Марekom поехали на речном трамвайчике на улицу Ильинская, где жил Сева. На крыльцо вышла престарелая женщина. Это была его мать. Она была глуховатая и ничего вразумительного не сказала. Так и не поняв, что нужно молодым ребятам от её сына, она показала им на крутой спуск улицы.

В этот вечер отец Жиги, скажет Колчаку, что Севу возможно никогда не придётся увидеть. Его закрыли и надолго за серьёзные преступления.

Вовка часть денег отдал Ивану Романовичу, на памятник, часть отдал матери и часть оставил себе на радостные дни. Ювелирные изделия и фотографии спрятал в своей спальне. Свёрток Вовка забрал из голубятни и отнёс в подвал, положив его в дальний угол под топчаном, закидав тряпками. Свою находку ему не терпелось показать близким друзьям. Иметь такой арсенал настоящего немецкого оружия это было сверх всякой мечты.

«Восьми зарядный Вальтер, это не самопал, которые выпиливали мальчишки из куска дерева и прикреплённой металлической трубки, служившей стволом. Вальтер, любому оппоненту ошутимое внушение сделает», – так думал Вовка.

На следующий день Вовка, достал свёрток, и они вечером с Марekom направились на берег пострелять из пистолета. Разобрались они с его устройством без всяких затруднений. Стрелять начал Вовка в пустую консервную банку, которую подвесили на сук дерева. С первого выстрела банка улетела на несколько метров. Сашке, стрельнуть не удалось, с оговоров послышался возмущённый крик:

– Вы, что там делаете? Откуда боевое оружие взяли? Сейчас милицию вызову!

– Саня, валим, пока нас не спалили, – тревожно сказал Вовка, пряча пистолет в тряпку. – Откуда он только взялся.

– Делаем ноги, я знаю этого мужика, это полковник в отставке. Он в четвёртой школе ОБЖ раньше преподавал, – прошептал Марек.

Они вдоль берега пробежали несколько метров и свернули в знакомый проулок, затем вышли на многолюдную улицу. Успокоившись, друзья спокойно дошли до дома и спустились в подвал. Свёрток Вовка положил на старое место.

– Пускай здесь лежит, до лучших времён, не дай бог с ним попадёшься, – сказал Вовка, – я, однажды из самопала в деревне у деда на лодке выстрелил, моментально милиция приехала, пришлось его утопить в речке. А он был не мой, Генки Плотвы.

– Мужик, этот, который видал нас дотошный, его по роже видать, он запросто может капнуть в милицию, – предостерёг Марек Вовку. – На берег, ходить пока не нужно, он точно нас запомнил. Вот вода спадёт, тогда можно вылазки делать.

...Холин, отставной полковник, после услышанного выстрела позвонил в милицию. Милиция опросила его, о приметах подростков. Забрала консервную банку, по которой был сделан прицельный выстрел, и уехала.

После выходного дня к Вовке за парту на лабораторной работе по химии, подсел Женька Коровин, который приехал в начале последней четверти из Кировской области. Обычно он сидел всегда со Славкой Фоминым, болезненным мальчиком, но одним из лучших учеников не только в классе, но и в школе. В этот день Славка в школе отсутствовал, и Коровин решил составить одинокому Колчину компанию.

Парень этот был из семьи врачей. Вовке он понравился с первого дня, вёл себя достойно и не был выскочкой. Он был на год старше Колчака, любил книги и со спортом дружил, но не серьёзно, а на уровне любителя, – любил коньки и велосипедный спорт. Им было о чём поговорить, к тому же Женька, как и Вовка тоже имел ранний интерес к девочкам. Одно в нём только Вовке не нравилось, внешне он был сильно похож на одного из палачей третьего рейха Гейдриха. Коровин был комсомольцем и считал, что ему без КПСС будущего не видать. У Вовки своё мнение было к различным членствам. Он считал неверным открывать калитку в светлое будущее через членство в любой партии. Человека должны судить по поступкам, а не по членству в партии. Вовка всегда умело проводил параллели между генералом Красной армии Власовым и генералом СС Гейдрихом. Оба они были партийцы, Власов был предатель, а Гейдрих главный душитель пленённого народа в концентрационных лагерях. Ни у того ни у другого по жизни не было друзей. Для них другом являлась партия.

...Колчак особо душу перед Коровиным не раскрывал и о чём – то запретном, он мог говорить только с верными друзьями, с которыми вырос вместе.

Из школы они вышли вместе. К ним подошёл мужчина в штатском и попросил пройти в машину, которая стояла, тесно прижавшись к стенке школьных мастерских. Их, обоих привезли в милицию.

В кабинете сидел знакомый майор Гридин. У него как всегда были прилизаны назад волосы. На мальчишек Гридин не смотрел. Уткнувшись в ящик письменного стола, он рылся в бумагах.

– Пистолет принесли? – спросил он, не отрывая головы от стола.

– Какой пистолет? – удивлённо расширив глаза, переспросил Вовка.

Майор приподнял голову и бросил на обоих подростков испытывающий взгляд:

– Вам лучше знать, какой, или подсказать? – и он выложил на стол знакомую консервную банку с дыркой.

– Вот эта баночка имеет отверстие, по которому наши эксперты определили, что сделано оно из пистолета П. – 38, системы Вальтер, калибра 9 миллиметров. Я вам предлагаю,

добровольно сдать оружие, чтобы не накликать себе беду. И, похоже, что этот пистолет тянет за собой не одно преступление. Сдадите оружие, будете освобождены от уголовной ответственности.

– Ничего не знаем, – отнекивался Вовка.

Он не обратил внимания на слова Колчака, только пристально обвёл взглядом ребят и добавил:

– Если конечно последуете моему совету и скажете, где его нашли. Сейчас для опознания привезут свидетеля, который видел вас вчера, и тогда уже будет поздно. Я жду с нетерпением ваших признаний.

– О каких признаниях может идти речь, если, я в вашем городе человек новый и с Колчиным только сегодня близко познакомился, – сказал Женя Коровин. – Вы хватаете меня среди белого дня, ни чего не объяснив, заталкиваете в машину, и здесь требуете от меня выдачи какого – то Вальтера, о котором, я не имею ни малейшего предоставления. Дайте мне позвонить родителям на работу или старшему брату в областную прокуратуру. Он у меня там работает.

– Успеешь, позвонишь после опознания. Говорить больно хорошо научился. Никто тебя не хватал, а пригласили для доверительной беседы. Тебе вообще мирно с нами нужно говорить и не подводить своего брата, который является работником прокуратуры. Не осложняй своего положения.

Майор настойчиво буравил своим взглядом ни о чём не ведавшего Коровина. Но тот спокойно держался, зная, что вины на нём никакой нет, и это недоразумение скоро разрешится.

В кабинет вошёл сержант, доложив, что свидетель Холин доставлен и находится за дверями кабинета.

– Пригласи его сюда, – обратился майор к сержанту.

В кабинет вошёл, ступая широким и чётким шагом Холин. Несмотря на то, что он был в гражданской одежде, подтянутость и офицерская выправка, в нём угадывалась. Не дождавшись, вопроса майора, он внимательно посмотрел на ребят:

– Насчёт этого сомневаюсь, – показал он на Вовку, – а вот этот вороной точно был.

Он смотрел на Женю Коровина, словно изучая его. Обошёл вокруг него и посмотрел на уши:

– Я, здесь ошибиться не должен, хоть и находились они от меня на приличном расстоянии. На нём курточка ещё зелёная была. Все они у меня на виду. На речку ходят купаться, мимо моего дома. А этого смоляного я давно знаю, – кивнул он на Коровина. – Хулиганистый парень!

Вовка понял, что волосы Марека, одинаковые по цвету с новичком, почему они и ввели полковника в заблуждение. Мысленно он просчитывал ситуацию. Интуиция ему подсказывала, что их должны отпустить.

Коровин, не теряя самообладания, вопросительно взглянул на полковника и спросил:

– В какое время вы могли меня видеть на берегу?

– В девятнадцать часов, это было, – уверенно сказал полковник.

Женя Коровин, отвёл взгляд с полковника и обратился к майору:

– Я, прошу вас записать его показания и мои, если это очная ставка. Также хочу вас заверить, что живу и нахожусь в вашем городе недавно, и гражданина этого вижу в первый раз. И зачем мне приезжать с военного городка сюда в город вечером. Позвоните моим родителям в больницу, они вам скажут, где я был вчера весь день. К тому же зелёной куртки у меня никогда не было, этот цвет я терпеть не могу, – смело заявил Коровин.

– От брата об очных ставках узнал или привлекался уже? – спросил с издёвкой майор. – Я же не сказал, что провожу очную ставку. Просто пригласили, человека, который смог при-

знать стрелявшего из пистолета в данном случае им оказался ты. Товарища твоего я отпускаю, а с тобой мы будем работать.

Вовка уже не удержался, он понял, что твердолобого майора нужно немедленно прошибать фактами:

– Товарищ майор, этот парень говорит правду, он недавно в нашей школе учится и живёт на военном городке. Зачем ему ходить на Волгу с нашего спуска? Это же далеко. Я знаю, что у него родители врачи и работают в больнице на военном городке. Вы можете позвонить в школу, там подтвердят наши слова. Мужчина ошибся, перепутал его с кем – то.

...Майор попросил ребят выйти за дверь кабинета и подождать в коридоре, оставшись с полковником наедине:

– Ну, что товарищ Холин узнали? – Он это? – спросил вполголоса майор.

– Без всякого сомнения. Я, откровенно говоря, и на смоляного мальчишку всерьёз хотел сказать. Сильно он смахивает на второго парня. Но точно там его не было.

– Ясно, что не он, но мы и второго найдём, никуда от нас не денется. А Колчина голыми руками не возьмёшь. Спортсмен хороший, чемпион области и Поволжья. В школе хорошо учится. Приличная мать, но прогнил до мозга костей. Врёт и глазом не моргнёт. Всё улица, и окружающая среда влияет. Он у нас давно на примете. По дракам сигналы были, так он как угорь промеж пальцев выскальзывает. Мы бы его и с пистолетом поймали, да вот пальчики только ваши на банке оставлены. Ну, ничего всё равно его прищучим. Пистолет в руках любого человека опасен, а в их возрасте втроекратно опасен. А Колчин может такого натворить, что век не отмоется.

– Понимаю я товарищ майор всё, – сказал Холин, – но больше я вам ничем помочь не могу.

– Ладно, Виктор Игнатьевич, спасибо вам и за это. Вы сейчас выйдете в коридор, извинитесь перед мальчишкой и скажите, что ошиблись. И я тоже извинюсь перед ними и с миром отпущу. Оружие постараемся сегодня же изъять у Колчина. Он вернее всего пойдёт после милиции к своему Вальтеру, – перепрыгивать будет. Я их психологию знаю, – сказал Гридин.

Первым вышел из кабинета, полковник. Вежливо извинившись перед Коровиным, он отдал ему честь по – военному, затем удалился не прощаясь.

Майор, вышел следом, за ним.

– А ты чего здесь сидишь? – спросил он у Вовки, – тебя я давно отпустил. – И переведя взгляд на Коровина, сказал:

– А с тобой парень недоразумение получилось, обознался свидетель. Ступайте по домам, но если вдруг узнаете о наличии у кого – то Вальтера, непременно дайте знать мне. Моя фамилия Гридин Вячеслав Андреевич, – и он показал на табличку своего кабинета.

– Можно было и не представляться, я вас давно знаю, – сказал, развязано Вовка.

– А моё обращение относится не к тебе, а к твоему однокласснику, – поправил Колчака Гридин.

Ребята вышли из отделения, обсуждая действия милиции.

– Хорошо, так обошлось, а то стали бы нервы трепать, – сказал Вовка.

– Никогда не нужно бояться, если ты ни в чём не виноват. И если с тобой разговаривают официальным языком, то и ты переходи на него. У меня старший брат работает следователем областной прокуратуры, и я ознакомлен, как нужно себя вести в подобных ситуациях, – со знанием дела, ответил Коровин. – Сам, я тоже готовлюсь, стать следователем и сейчас изучаю литературу по криминалистике, правда, в небольшом объёме.

Вовка проводил Коровина, до автобусной остановки и направился в сторону своего дома.

...С этими мыслями он дошёл до своего подъезда. Не спеша, осмотрелся по сторонам. Ничего подозрительного не заметив, он нырнул в подъезд. На втором этаже позвонил в дверь Мареку. Он в этот день по повестке ходил в военкомат и в школе не был.

Санька вышел, грызя большую морковину, хрустя ей, как кролик, тщательно пережёвывая кусочки.

– Прекрати хрупать, послушай меня, дело серьёзное. Я сейчас в милиции был, очную ставку делали. Вместо тебя опознали другого, – Коровина, новичка из нашего класса, а меня этот полковник совсем не признал. Но немного погодя он извинился перед новичком, сказал, что ошибся. Тебе, сейчас ни в коем случае не надо надевать зелёную куртку, и в подвал ни кому не ходить. Я ключ сегодня перепрячу из обычного места. Если, что тебя и прихватят мусора, – ничего им не говори. Не знаю и всё, – отвалите ради бога. Банку консервную, по которой я стрелял, на экспертизу отдавали. По отверстию определили марку пистолета, а может по гильзе. А про меня будут спрашивать, скажи, что со мной не дружишь давно. Понял? Давай сейчас с тобой залезем на чердак, посмотрим обзор, вдруг за мной хвост приставили, – предложил Колчак.

– Давай посмотрим, – согласился Марек, только, что я на себя одену. У меня одна всего куртка, других не имею. А чего бояться, в таких куртках полгорода ходят. В любом случае, я им ни слова не скажу, если, что.

Они забрались на чердак, откуда как на ладони просматривался весь двор.

Ничего подозрительного, чтобы их насторожило, они не заметили.

– Видишь, нет никого, – толкнув локтем в бок Вовку, сказал Санька.

– Рано успокаиваться, надо подежурить немного. Я сейчас домой схожу, а ты покарауль. Если что – то подозрительное увидишь, фиксируй, как фотоаппарат. Я скоро вернусь.

Оставив Марека на чердаке, Вовка пошёл домой. Переступив порог квартиры, мать попросила его вынести мусор. Он взял ведро и понёс его к мусорному ящику.

Проходя мимо трансформаторной будки, Вовка лоб в лоб столкнулся с незнакомым мужчиной одетого в тёмно – синий плащ. На голове, в форме блина на нём сидел чёрный берет, похожий на те, что носили раньше русские художники.

– Это мог быть, чей – то родитель, встречающий своего ребёнка из школы. А мог и начальник электриков, которые часто производили работы в трансформаторной будке, – рассудил Колчак.

Вывалив ведро в ящик, он пошёл назад. Незнакомый мужчина, тихим шагом, прогуливался в сторону школы, не обращая внимания на Вовку.

Возвратившись, домой, он поставил ведро. Схватил бутерброд с колбасой пошёл на чердак. Санька, молча, сидел на своём посту и пристально смотрел в одну точку. Услышав шаги, он обернулся с встревоженным лицом, вымолвил:

– Ну, Вовка и дела. Смотри мужик, которого ты чуть не сшиб, в помойке палкой шарит. Точно он из милиции. Я за ним хорошо смотрел. Он тебя взглядом проводил до самой помойки и обратно.

– А мы его сейчас проверим ещё раз, – осенило Вовку.

– Я сейчас схожу домой за ключом от голубятни, а ты понаблюдай ещё за ним.

Вторично проходя мимо мужчины Вовка, смотрел в землю. Не оглядываясь, он шёл в сторону сарая. Открыв двери, Вовка вошёл туда. Положив замок на полку, он ощутил за спиной присутствие постороннего человека. Обернувшись, Колчак увидел незнакомца.

Тот стоял, в дверях заслонив, своей фигурой дневное освещение и ехидно улыбался.

– Показывай, быстро, где пистолет прячешь, – придирчиво обратился он к Вовке.

– А вы, что разве его в помойке не нашли? – нагло издеваясь заявил Вовка. – Я его туда сбросил.

...Незнакомец понял, что парень вычислил его раньше.

Он от злости, словно волк лязгнул зубами и решительным шагом вошёл в сарай. Уверовав, что около сараев никого нет, он неожиданно отвесил Вовке увесистый подзатыльник, который отбросил его в сторону полки, где лежал амбарный замок и начал по-хозяйски осматривать сарай.

Этот замок, весом в пол килограмма сразу бросился в глаза Колчаку, и моментально оказался в его руках. Он яростно бросился на незнакомца сзади, провёл очень сильный удар замком в область спины, от которого тот осел на пол.

Но этим ударом Вовка не ограничился, добавив, мощной, как кувалда ногой по корпусу незнакомца. Тот видимо не знал, что Колчак был сильным спортсменом, поэтому недооценив его, был в одну секунду повержен. Он даже осмыслить не успел, что с ним случилось. От последнего удара незнакомец улетел вглубь сарая, к мешкам с зерном для голубей. Вовка незамедлительно, выскочил из сарая, быстро закрыл за собой дверь и накинуд на неё замок.

– Ищи пистолет в сарае, найдёшь, твой будет, – крикнул ему Колчак, через дверь, и побежал на чердак.

Марек находился на своём посту. Он проследил путь незнакомца, но, что произошло в сарае, он видеть не мог, о чём ему поведал в деталях Колчак.

– Я, знаю, что нужно делать в этой ситуации. Надо собрать наших парней и как можно больше. Пускай они к сараю подтягиваются, а я побегу к участковому Мухину. Скажу, что на меня напал неизвестный мужик в сарае, которого я там запер на замок. Сам ни в коем случае не показывайся. Тебя сегодня видеть никто не должен.

Вовка побежал в опорный пункт милиции, где должен был находиться участковый, но его там не оказалось. Тогда не мешкая, Колчак бросился к нему домой. Дверь открыл сам участковый.

Мухин с удивлением выслушал взволнованную речь парня, не веря ни одному его слову:

– Ты не разыгрываешь меня? – спросил он у Колчака, – что – то мне с трудом верится, чтобы кто – то мог тебя обидеть.

– Какой мне смысл лапшу вам вешать на уши, – доказывал ему Вовка. – Я вам говорю, маньяк в негритянской шапке в сарае на меня накинудся. Возможно, он беглый и у вас в розыске числится. Внешность больно у него подозрительная. Я его связывать не стал, а вырубил прилично и закрыл на замок.

Мухин хоть ему и не верил, но в милицию на всякий случай позвонил, вызвав наряд к сараям.

Милиция подъехала раньше, чем пришёл Вовка с Мухиным. У сарая уже толпилась группа ребят, во главе с Жигой и Вовкой Корнем. Чуть поодаль стояли голубятники Бока и Вася Данила. Все они ждали участкового. Мальчишки же в предвестье острой интриги, подливали масло в огонь, уверяя, что видели, как мужик в синем плаще и берете, ворвался в чужой сарай и стал там буяннить, и если бы Вовка не закрыл его в сарае, они бы ему накостыляли в горькую ягоду. Могут это сделать и сейчас, как только сарай Колчак откроет.

Из сарая доносились страдальческие возгласы, что здесь на трухлявых досках с гвоздями лежит старший лейтенант милиции Ланин, что у него парализована спина. И что, этот свирепый Колчин огрел, его по позвоночнику, молотком или монтировкой. Отчего он не может принять стандартную позу пешехода и что осанка его с этого дня будет нарушена. Затем он просил по радиации вызвать майора Гридина и скорую помощь. К его словам прислушался долговязый капитан, с кобурой на поясе.

– Ланин, это ты что ли там? Ты чего туда забрался? – никак голубей задумал воровать?

– Каких голубей, ты ополоумел, наверное, Воробьёв, – узнал Ланин по голосу капитана. – Я по заданию руководства, – раздался стонущий голос из сарая. – Этот беркут Колчин, сзади вонзил в меня свои когти.

– Слушай Ланин, я не знаю, что у вас здесь произошло, но Колчин находится не у тебя дома. Это ты в его сарае запертый сидишь. Готовься рапортовать майору, он уже выехал из отделения.

– Я всегда готов, – простонал Ланин.

– Эй, Ланин, тут народу собралось, как на демонстрацию, как бы они тебе того.

– Что того, Воробьёв? – говори без намёков. Изъясняйся нормально.

– Я говорю не того. Чтобы они тебе не заехали под пушистый хвост. Это ведь сарай покойного Захара, а он для них святым человеком был. Ха! Ха! Ха! – заразительно засмеялся капитан, а следом за ним смех подхватили залиvisto и другие милиционеры.

– А вы на что здесь? – раздался испуганный голос Ланина.

– Эй ты, хорёк выдраный, у твоих милиционеров, в кобурах сырки плавленные лежат, да огурцы солёные, защитить тебя нечем будет. А народу здесь туча собралась, – кричал Жига.

Любопытных действительно много собралось, а самой главной была Марья Васильевна Конакова, которая считалась главным правозащитником двора, не только двора, а и города. Эта бабка знала все законы. Она могла посоветовать попавшему в трудное положение человеку или помочь найти хорошего адвоката. Этот опыт к ней пришёл давно, от частых посещений судебных процессов и множество прочитанных книг. К милиции она относилась двояко. Могла и критиковать её, и в то же время хвалить. Всё зависело от ситуации. Сын её Николай, в прошлом был лучшим вратарём футбольной команды, сидел в тюрьме. Когда Колчак учился в первом классе, на его глазах её сын, проиграл в карты на третях Жоре Хлястику большую сумму денег, и всех своих голубей. От досады он отрубил себе несколько пальцев на левой руке и после этого зарёкся в карты больше не садиться играть. О карьере вратаря ему тоже пришлось забыть. Марья Васильевна до безумия любила своего единственного сына, и при несправедливых нападках на него могла выцарапать любому глаза. Эта бабка была от ног до головы пропитана гуманизмом. Она до вечера могла водиться с чужими детьми, ходить с ними в луга или парк. На новый год устраивала у себя дома ёлку с богатыми подарками, где сама лично преображалась в деда Мороза. Её за глаза все называли Коначиха, но величали всегда при общении уважительно Марья Васильевна.

Марья Васильевна завидев толпу у сараев, и милицейскую машину, бодро подошла к капитану:

– В чём дело Воробьёв, – лису либо поймали опять? А то неделю спустя у Юсуповых сразу двух изловили. Откуда они только берутся в городе?

Воробьёв, до этого весело смеявшийся, внезапно сменил тон. Он попросил вежливо всех покинуть территорию сараев, а Жиге показал кулак, при этом похлопав ладошкой по своей кобуре.

– Расходитесь граждане, расходитесь, не то сейчас начальство приедет, нам влетит за это – упрашивал капитан. – А тебя индус, если непотребное будешь орать, на пятнадцать суток оформлю, – строго предупредил он Жигу.

– А что он непозволительного такого сказал, – встряла Марья Васильевна. – То, что у вас в кобурах сырки, да огурцы, это ни для кого не секрет. Давай Воробьёв, покажи свой пугач. Там нет у тебя, его. И нечего постукивать по кобуре. Огурцом ребёнка хотел напугать. Эх, Воробьёв, забыл, как я тебе нос подтирала. Каким сам был.

– Времена те давно прошли, когда наши кобуры были начинены огурцами, – помахивая дубинкой, сказал он, – а здесь быть не положено. Отходите, Марья Васильевна, Жига оскорбил сотрудника милиции.

– А, где ты видишь сотрудника милиции? – не унималась бабка, – вот начальник ваш приедет пускай узнает, как тот субъект попал в чужой сарай, и с какой целью.

Народ никак расходиться не хотел. Ждали окончательной развязки инцидента.

Появился Колчак с участковым. Вовка открыл дверь сарая. Охая и ахая в грязном плаще, опираясь на небольшой багет, который он нашёл в сарае, вышел Ланин. Вовка вырвал у него багет из рук и бросил назад в сарай.

– Как ты туда попал, Ланин? – спросил его Мухин.

– Вот паразит меня закрыл, – показал он на Вовку.

– Ладно, полезай в машину, рапортовать своему начальнику будешь, – мрачно сказал участковый.

Наряд вместе с Мухиным сели в машину и уехали в отделение.

Любопытные, не увидав больше ничего интересного, тоже стали расходиться по домам.

Колчак, потирая ушибленный затылок, с парнями направились на чердак.

Марек, в одном пиджачке, сидел на крыше дома, весь посиневший от холода.

– Всё, Саня иди домой одевайся, – сказал ему Вовка, – я сегодня отбился, а завтра, что будет неизвестно? Вот тебе и милиция, а я ведь сегодня поверил майору Гридину и тому полковнику отставному, что меня он не опознал. Мне повезло, что послали следить за мной валенка, а был бы матёрый опер, неизвестно, как бы дело повернулось.

Другие мальчишки, сгорая от любопытства, приставали с расспросами о событии дня, но Вовка с Санькой договорились о тайнике с оружием ничего не говорить, никому. Вовка выдал пацанам свою версию:

– Милиция, думает, что у меня пистолет есть системы Вальтер, я даже в руках в жизни не держал пистолетов, и как выглядит он, я не знаю. Сегодня в милицию возили, но меня свидетель не опознал, а хвост за мной приставили. А мы с Санькой его сами выследили. Он пошёл в сарай за мной, по заливку мне треснул прилично. – Колчак для правдоподобности показал ребятам набитую шишку на голове. – А я сзади зашёл, оттолкнул его, и на замок закрыл, теперь проходу точно мне нигде не будет от этого опера, задумчиво сделал заключение Вовка.

На следующий день в школе, к Вовке подошла Надька Крупица.

– Это куда вас с новичком возила милицейская машина? – поинтересовалась она перед началом уроков, – я видела, как вас сажали.

Она вопросительно смотрела на Вовку, ожидая правдивого ответа:

– Что – то опять натворил, признайся, а то попадёшь в беду, как Лука, – поздно тогда будет.

– Для меня Лука не пример, я в тюрьму никогда не попаду. Меня ждёт Оксфорд или Кембридж.

Он одарил Надежду своей красивой белозубой улыбкой. Отметив про себя, что его одноклассница незаметно повзрослела и похорошела, чего он раньше не замечал.

Надька действительно значительно преобразилась, как стала жить у их классного руководителя. Лара накупила ей разных обновок, которые превратили её в привлекательную девушку. За ней бегали многие мальчишки из школы. Но она стойко отметала всех парней, поставив на первый план учёбу. Вовка ей нравился, но она ему об этом никогда не признавалась. Их дружба заключалась в общении и доверительных беседах. Иногда она приходила в спортивный зал поиграть с Вовкой в настольный теннис.

Вовке же больше нравилась девчонка с соседней улицы, которая была на год старше его и училась в другой школе. Но о своей симпатии он тоже никому не рассказывал. Он знал о ней всё. Знал, что зовут её Полина, чем увлекается, где работают её родители. На улицу, где она жила, Вовка ходил, каждый день и визуально Полина знала его, так, как он примелькался в её глазах. А также она знала, что Вовка по кличке Колчак, является отъявленным хулиганом и драчуном, которого боится вся округа. Поэтому она старалась с Колчаком в контакт не входить, несмотря на то, что этот шептунчик тоже нравился ей. Испепеляющие и длительные взгляды молодого человека в сторону Полины говорили ей о многом. Он поджидал её у школы, и на расстоянии провожал до подъезда. При удобном случае старался попасться ей на глаза или даже столкнуться грудью в грудь. У него замирало сердце, при виде Полины. Чего он не испытывал от других девчонок. Первым он не решался к ней подойти. Это была не та девочка, которые без всякого сопротивления могли спуститься с ним в подвал. У Вовки были девочки, но серьёзных чувств к ним он не питал. Многие из них запросто посещали его подвал и голубятню. Потом когда он перешёл в одиннадцатый класс Полина пропадёт. От пацанов с её дома он узнает, что Полина уехала учиться на квалифицированного кондитера в другой город. Он немного стал забываться, не видя Полину. И сейчас разговаривая с Надеждой, сравнивал её с Полиной, кто из них лучше.

«Надька конечно хороша и она мне, как родственная душа, – думал он. – Всё – таки с пелёнок вместе росли, а Полина не только красавица, но ещё к тому – же вся переполнена загадками, что пробуждает интерес во мне. Нет, конечно, Надежда пускай отдыхает. Предпочтение я отдам Полине».

– Вовка проснись? – услышал он голос Надежды, – ты, о чём думаешь? Ты хоть понял, о чём я тебе говорю?

Колчак очнулся от своих мыслей и, посмотрев на одноклассницу, сказал:

– Понял, но в Оксфорд я тебя не возьму всё равно, как не упрашивай. Там меня леди уже ждёт одна.

Надежда, покрутив пальцем у виска, бросила ему:

– Больно нужен мне твой Оксфорд, мне и здесь в любом институте место найдётся.

Она обиженно отвернулась от него и отошла к окну.

...Надька предостерегла Вовку о беде. Он вдруг понял, что милиция будет до конца копать пистолет. Они всё равно разнюхают про подвал и перевернут всё там верх дном.

«Нужно срочно прямо сейчас перепрятать его, – подумал он. Из школы выходить опасно, вдруг опять приставили, за мной следить кого».

Сказав Надьке, что ему надо сбегать, домой за тетрадкой, которую оставил дома, он выбежал из класса и последовал в туалет, где открыл створки окна и вылез на улицу. Через сарай и чердак последнего подъезда прошёл к своему подъезду и спустился в подвал. Забрав свёрток с оружием, он внезапно замешкался, не определив, куда можно спрятать надёжней, где его никогда и никто не найдёт. Ему казалось, что куда – бы он не спрятал, то обнаружить свёрток сможет любой посторонний человек.

Так не найдя укромного места, он со свёртком пришёл в школу, проделав, тот же путь, которым попал в подвал.

В школе шёл урок, который Вовка пропустил. Дождавшись перемены, он отдал Жиге свёрток, сказав, чтобы он никому его не показывал, а спрятал у себя в сарае. Жига не мешкая, побежал в сарай, а Вовка пошёл в класс. Новичка в школе не было. Почему он отсутствует, никто не знал. В конце уроков просочилась новость из уст Надьки, которая непроверенные факты на обзор никогда не выносила. Она сказала, что мать новичка, трагически погибла, попав под автомобиль.

...Пока школа активно принимала участие в похоронах, Вовку милиция не беспокоила, но после траурных дней его официально пригласил по повестке майор Гридин. До этого

милиция, как и думал Вовка, узнала и про подвал и про чердак, где они тщательно всё осмотрели, но ничего не найдя решили переключиться на Колчина. Вместе с Вовкой пригласили и всех его друзей, включая и Марека, которого Гридин допрашивал дольше, чем Вовку. Признаний он ни от кого не получил. Затем сам начальник милиции завёл всех ребят в небольшой актовЫй зал и прочитал лекцию, к чему может привести наличие оружия у молодого человека. Он рассказал, несколько трагических историй, связанных с оружием. Но в глазах ребят, кроме безразличия ничего не прочитал. Ни для кого секретом не было, что стреляли в России почти ежедневно и убивали людей пачками. Он всех отпустил по домам, но просил задуматься над его словами. И предупредил, если кто добровольно пожелает сдать оружие, от уголовной ответственности будет освобождён.

Выйдя из милиции, Вовка облегчённо вздохнул:

– Санька, вроде пронесло пока, – на ухо сказал он Мареку, – я его перепрятал недавно и доставать, пока не думаю. Надо покупателя серьёзного найти на него. Это будет лучшим и быстрым избавлением от ствола. И кинжал можно толкнуть. Иначе срок можно заработать за эти игрушки.

Другие ребята, не зная о находке, недоумевали, для какой цели их пригласили в милицию. Каждому из них задавали одинаковый вопрос. Не видели ли они у своих друзей пистолет, в частности у Вовы Колчина. Они отвечали правдиво и откровенно, – не видели, так как, в самом деле, ничего знать не могли.

После этого случая у Колчака пошла сплошная полоса неудач связанная с правоохранительными органами. Вначале его пытались обвинить в угоне автомобиля, который возможно никто и не угонял, но не забывали, и вспомнить, куда он спрятал пистолет. Затем его вызвали по поводу взлома комнаты музыкальных инструментов во Дворце культуры. И везде по приметам подозреваемый был похож на Вовку. Но, заранее зная, что он невиновен, восвояси отпускали домой.

Подходил к концу учебный год, когда в планах у ребят намечались всевозможные походы и поездки. Надька Крупица предложила Вовке организовать трёхдневный поход в лес на станцию «Площадка», где находились оздоровительные лагеря. Это мероприятие она наметила сразу после выпускных экзаменов.

– Вова, там будет удобно для нас, – объясняла она ему. – Мы там и палатки, и лодку возьмём, и все принадлежности которые нам будут нужны для похода. Лара едет туда воспитателем на всё лето. Нам с тобой нужно подобрать и уговорить учеников нашего класса, но не всех желающих, а человек десять. Я буду заниматься девочками, а ты мальчиками.

– А может наоборот, – смеясь, ответил ей Вовка, – видишь, ты меня уже уговорила, а я тебя уговорил. Ещё по троечке найдём, и хватит. Много собирать не надо, а то вдруг палаток не хватит.

– У меня девчонки наполовину набраны, а ты поговори с мальчишками, только Витьку Петухова не зови. Он безобразно себя ведёт при девчонках.

– Витька в любом случае не поедет с нами, он на всё лето едет в деревню бизнесом сельским заниматься. В пастухи наймётся, коров будет пасти, – сказал ей Вовка.

Желающих идти в поход они нашли без затруднения. Составили список на покупку продуктов и предметов первой необходимости.

В поход, родители всех отпустили, только потому, что рядом будет Лара Давидовна, но никто дома не сказал, что Вова Колчин также является участником похода. Реакция родителей на такое известие была бы не такой успокоительной, так – как на протяжении школьной поры Колчин был в языцах всех родителей. Поход назначили сразу после выпускного бала.

После окончания уроков последнего дня школьной поры, ноги сами его привели в школьный сад, там уже кучковались друзья Колчака. Они сидели на скамейке и на недавно

пробившейся из земли свежей траве, оживлённо обсуждали предстоящие экзамены окончания средней школы. Вовку эти события не интересовали. Он знал, что троек у него в аттестате не будет. Школа ему изрядно надоела за все эти годы. Колчаку хотелось полной свободы, вести самостоятельный образ жизни, испариться из этого города, туда, где его никто не знает, и открыть своё дело, несвязанное с торговлей. Торговать и иметь свой магазин, даже спортивный, Вовке не хотелось. В этот миг он был согласен пойти в военное училище, куда собирались поступать многие окружающие мальчишки. Дурное предчувствие и непонятное ощущение надвигающейся на него беды не давало ему покоя, после того, как днём вчера он вышел из отделения милиции. Противная физиономия дотошного Ланина, которого он ударил по спине замком, что – то таила в себе хитрое и подлое, замышляющее против него. Спрятанный свёрток в сарае Жиги застрял у него в голове. С тех пор, как был обнаружен тайник в сарае, он ежедневно причинял Колчаку острое беспокойство.

«Утопить его в Волге, чтобы спрятать концы и больше никогда не думать о нём, это не выход. Всё равно необоснованные нападки милиции не прекратятся. Сдать им добровольно? Этим можно приписать себе преступление, о котором он и духом не ведаёт, – размышлял он. – Отдать его Августу, который сам после ареста Сергея и гибели Захара, постоянно находится под невидимым надзором милиции, – тоже опасно. Можно его под монастырь этим подвести. Тем паче Гридин проболтался, что Вальтер, возможно, имеет криминальную биографию. Этот вариант не пойдёт, его отметить сразу надо. Может, как – то подкинуть в милицию его, это задача решаемая, но где гарантия, что во время этой процедуры мне не скрутят руки, и слепят статью. Они злые на меня сейчас за своего Ланина. Нажил себе заботу» – думал Колчак.

– Выкинуть жалко, да и стоит это редкое оружие немалых денег, – рассуждал он.

Выход Колчак нашёл. Он решил срочно найти серьёзного покупателя, желательно не с их города. Можно отдать и без денег, лишь бы освободиться от него.

– Колчак, ты чего задумался? – донёсся до него оклик ребят, – ты с нами идёшь на берег?

– Нет, я на футбол пойду. Водник с Мотором играют сегодня, – отказался Вовка от предложенной прогулки.

На футбол он пошёл, пригласив с собой Марека и Вовку Корня.

Во время футбола Вовка рассказал, своему другу Мареку, о его вчерашнем пребывании в милиции.

– Слушай, Колчак, у меня есть план, как скинуть пушку ментам, я давно уже думал об этом. Нужно из другого города отправить им посылку, – предложил Марек, – пускай даже они думают, что она от нас поступила, но доказать не смогут. Они точно успокоятся и отстанут от тебя. Меня они почему – то не тревожат. И тебя не будут после этого.

– Вроде ты правильно говоришь, но есть одно, но, которое мешает мне поступить, как ты советуешь. Я боюсь, что за этим пистолетом тянется ужасное преступление, которое могут повесить на меня. Запомни, Захар не простой урка был, а коронованный. А вдруг этот ствол его близких криминальных друзей, которые и не подозревают, что существует этот пистолет, и живут сами себе спокойно. А мы им получим, пожалуйста, геморрой из подземелья. А что ты говоришь, отправить почтой и они не найдут кто отправил. Это ерунда, они преступников по автобусным билетикам ловят, книги читать надо, – отверг предложение друга Вовка. – Давай лучше посмотрим на поле, а то просудачим с тобой и игры не увидим.

Вовка Корень заметил, что его друзья, чем – то озабочены, но интереса на футболе проявлять не стал. После окончания матча они пошли в садик. Марек закурил единственную у него имеющуюся сигарету. Выкурив половину, он дал докурить Корню. Вовка глубоко затянулся, выпустив изо рта дым, спросил:

– Вы чего пацаны, мне, не доверяете что ли, всё шепчетесь и шепчетесь. Я же не глупый давно понял, в чём дело.

– Почему не доверяем, – сказал Колчак, – но, к чему тебе неприятные думы иметь, какими страдаем мы. Живи спокойно, зачем тебе озадаченным мыслителем ходить.

– Я краем уха слышал, о чём вы говорили на стадионе, и предлагаю простой выход из этого положения. Я ни при делах, на меня подозрений никаких не падёт. Беру, что вы прячете. Вытираю отпечатки и несу в милицию. Скажу, что нашёл в подвале. Вот увидите, меня похвалят за это, – предложил свой вариант Вовка Корень.

– Неплохо, даже здорово, – похвалил его Колчак, – так, наверное, и поступим, больше придумывать ничего не надо, а то сами запутаемся. После похода, провернём это дело. Жиги, всё равно сейчас нет. Он с отцом на Каму поехал за рыбой, придет неизвестно когда, но к экзаменам точно будет дома.

На Вовку Корня Колчак всегда полагался, с этим парнем, можно было идти в любое пекло. Ради спортивного интереса они вместе с ним неоднократно по балконам добирались, до третьего и четвёртого этажей жилых домов и срезали вяленую рыбу и никогда не попадались при этом. А три года назад, вместе с ним заблудились в лесу, когда ходили за грибами и пролазили почти тридцать километров, пока не наткнулись на строение, где жили сборщики живицы. Они – то утром их и вывели на нужную тропу. И, сейчас он готов был взять огонь на себя, не ведая, чем может обернуться добровольная сдача пистолета

Экзамены закончилась, прошёл выпускной бал, но у школы суеты было больше чем в обычные школьные дни. Выпускники раздробились на две группы. Причиной тому была Лара, которая перед экзаменами сообщила, что после бала сразу же уедет работать в оздоровительный лагерь, где она уже числилась вожатой с начала лета. Она была опечалена, что не смогла на прощание объединить класс и идти в поход со всеми вместе, так как могла на всё лето остаться без работы. Но многие в классе уже знали, что одна походная группа была создана вместе с Надькой и Вовкой. Они собрались в поход на станцию «Площадка». Вторая группа поехала на озеро Светлое в другой район за двести километров от города. Первая группа через день после бала собрались все у школы, и пошли пешком за город к коммутаторной станции, откуда отправлялась леспромхозовская кукушка, так называли маленький паровоз, который ходил по узкоколейной дороге. Эта транспортная линия отживала свой век, так как рядом была проложена широкая асфальтированная дорога, по которой курсировали рейсовые автобусы. С рюкзаками, котелками и рыболовными снастями, они сели в узкий вагон, загородив своими пожитками проход. Бабки с корзинами и молочными бидонами, пробивались к сиденьям, спотыкаясь о рюкзаки, недовольно ворча себе под нос. Последним в вагон зашёл охотник с лайкой, бабки заорали на него, чтобы он с собакой вышел в тамбур. Он спорить не стал, без лишних разговоров удалился в тесный тамбур. В вагоне стояла сильная духота, Вовка с Коровиным вышли тоже в тамбур. Там дверь была открыта. От небольшой скорости паровоза освежающий ветер приятно обдувал маленькое сквозное помещение.

Собака, открыв пасть и высунув язык, прерывисто дышала, не обращая внимания на ребят.

– Умная собачка, – похвалил её Женька Коровин, но близко приблизиться к ней не решился.

– Умница, но укусить может, – подтянув поводок на себя, сказал охотник, – с ней, я хоть на медведя, хоть на утку хожу. Универсальная собачка. Выносливая и бесстрашная, с ней я чувствую себя всегда уверенней.

Но собака, не проявляя злости к Женьке. Она неожиданно подпрыгнула и, положив, лапы ему на грудь лизнула его в лицо.

– Хорошего человека сразу чувствует, – сказал он и натянул поводок на себя. – А вы в поход собрались, смотрю я, и куда же? – спросил он у ребят.

– На Площадку, к пруду, – ответил Вовка, зная, что Женька не сможет дать точный ответ, так как в тех местах никогда не был.

– Выходит, в соседях будем. У меня там шалаш стоит, когда на утку иду, он меня спасает. Шалаш обжитой, уже лет пять стоит. Заходите в гости? – пригласил он ребят.

– А найдём мы его? – спросил Колчак.

– Найдёте, он стоит между болотом и прудом, – ответил охотник.

– Если этот шалаш, то я его хорошо знаю, – сказал Колчак, – этот шалаш сверху глиной обмазан.

– Он самый, – подтвердил охотник слова Колчака.

Вовка там частенько коротал с мальчишками время, когда был на смене в лагере, но говорить об этом охотнику не стал. Пообещав ему, что обязательно придут к нему посмотреть, как он будет охотиться, пошли в вагон.

В вагоне полным ходом шла дискуссия между бабками и ребятами. Бабки стыдили, девчонок, что они остригли косы и натянули на себя штаны. Девчонки им доходчиво объясняли, что ничего зазорного в этом нет. Идёт эволюция в жизни и качественные изменения в разных областях, является закономерностью.

Бабок сложно было переубедить, они всю свою жизнь прожили в деревне и о городской жизни имели мизерное представление.

– Нам хоть революция, хоть эволюция, мы по учебникам мало учились. Мы с малых лет на фермах, да на полях работали, спину гнули от зари до заката, – наперебой орали старушки.

– Бабуля, – обратился Вовка к самой говорливой старушке, – я вам сейчас одним простым примером объясню, что такое эволюция. Вот приезжаете вы ко мне в гости в город и пойдёте в туалет по нужде. Как вы будете справлять нужду?

– Бог с тобой сынок, это в уборную я пойду никак. Залезу наверх да справлю.

Вагон зашёлся от хохота. Бабки, не понимали, чем вызван смех учеников.

– Бабуль, – продолжал Вовка объяснять ей про эволюцию, – а если ты упадёшь сверху? – У меня дома унитаз узенький, как ручка у твоей корзины.

– Что – же ты, узкий его построил? – спросила бабка. – Я к тебе в гости не пойду, а пойду лучше к тому, у кого рундук обширный.

Под весёлый смех, ребята доехали до места назначения, а бабки продолжили путь дальше вглубь леса до станции Керженец, так и не поняв, что такое эволюция.

На полустанке учеников встречала их классный руководитель Лара Давидовна. В лагерь она приехала днём «раньше» на продуктовой машине.

Она обняла Надьку, сказала, чтобы ребята шли все выбирать место, где можно лучше раскинуть палатки, а затем пришли в склад лагеря за ними.

...Вовка, знал, где лучше облюбовать место для палаточного лагеря. Он повёл ребят за собой в чащу леса, по протоптанной тропинке, минуя болото и буреломы, предупредив всех, чтобы смотрели под ноги и нечаянно не наступили на хвост змее, хорошо зная, что в этих местах змей нет, но ужей клубками можно ловить.

Определившись с местом, они скинули с себя рюкзаки, оставив девчонок располагаться, а мальчишки пошли на склад, за палатками, где их ждала Лара и физкультурный работник лагеря. Взяв палатки и ключ от лодки, они к девчонкам вернулись на лодке. Девчонки копошились, возле костра, который не могли разжечь.

Когда ставили палатки, у Вовки внезапно прихватило живот, и он несколько раз бегал в кусты, привлекая внимание девчонок и мальчишек, ловя на себе их ехидные насмешливые взгляды.

«Хихикайте сегодня, а я завтра смеяться буду», – подумал Вовка.

После обеда, Коровин, Болотин и Фомин поехали на лодке ловить рыбу. Вовка не приронувшись к обеду, пошёл в лагерный лазарет, попросить у врача, таблетку от живота и встретиться, если повезёт с Ларой. Ему всегда хотелось возобновить с ней разговор, который, как ему казалось, они не закончили в голубятне.

Лес для таких разговоров самое лучшее место считал он.

– Но если у меня будет такое снайперское состояние, как сейчас, – никаких разговоров не может быть, – рассуждал он сам с собой, идя лесом.

Он вошёл на территорию лагеря, и прямым ходом никуда не сворачивая, направился в лазарет.

Там работала, знакомая ему врач Надежда Борисовна, которая Вовку тоже хорошо знала по прошлым годам проведёнными им в лагере. Он пожаловался ей на расстройство желудка. Она порылась в коробке, где лежали медикаменты, но ничего не найдя пошла в соседний кабинет.

...Вовка ради любопытства заглянул в коробку, перетянутая пачка резинкой в которой находилось несколько упаковок, под названием «Сенные» притянуло его внимание. Это было то, что нужно. Он незаметно положил пачку в карман и сел на стул, дожидаясь врача. Она пришла с горстью таблеток в руке, заставив все их выпить разом, не заметив пропажи в коробке. Вовка выпил медикаменты и ушёл в свой лагерь. Девчонки находились в палатке. Вовка, подошёл тихо к ней и по чьему – то выпяченному, через брезент заду слегка задел ногой. Раздался испуганный визг. Вовка, спрятался в кусты понаблюдать за остановкой. Из палатки никто не вышел. Он зашёл с другой стороны и проделал ту же процедуру. Крика на этот раз не было.

– Колчин, это ты балуешься? – спросила Надька, не выходя из палатки. – В ответ молчание.

Потом Вовка начал кидать по палатке еловыми шишками. Из палатки никто не выходил.

– Девчонки может, это наши рыбаки приплыли и балуются, давайте в окошечко посмотрим. Пруд хорошо из него видно, – сказала Надька девчонкам.

– Мальчишки в лодке сидят, – раздался уже тревожный возглас Таньки Абросимовой.

– Всё тогда ясно, это проделки Колчина, – определила Надька.

Вовка повернулся и пошёл к шалашу, в гости к охотнику.

Тот лежал на спине, подстелив под себя телогрейку. Собака сидела, рядом охраняя своего хозяина. Завидев Вовку, она с лаем кинулась к нему на встречу. Вовка, как вкопанный встал на месте. Охотник, приподнявшись на локти, посмотрел на гостя. Узнав его, он подозвал собаку к себе. Та, показав Вовке свой крючковатый хвост, возвратилась к хозяину.

– А это ты, ну, что обосновали, вижу пруд. Утром только на лодке не выезжайте, а то распугаете мне всех уток. Вечером я сегодня ещё постреляю, а завтра утром уеду домой. Иначе, вся дичь так протухнет, что и собака в пасть не возьмёт.

– А если ничего не подстрелите? – спросил Вовка.

– Такого не может быть, мы с моей Лайдой охотники не первогодки, уложим несколько серых.

– Волков? – не поняв о чём, идёт речь, переспросил Вовка.

– Нет, серыми я уток называю, они намного крупнее чирков. Вон видишь, кучка большая плавает – он показал на плавающих как голуби птиц, – это чирки, а серые раз в пять больше будут. Жалко их нет сейчас, а то бы я тебе показал.

– А чирков почему, не бьёте?

– Случается, что и их стреляю, но с ними не интересно. Один выстрел сделаешь, штук пять уложишь, я их обычно с близкого расстояния с пневматического пистолета стреляю. А сегодня может гуси или журавли присядут, – он погладил собаку. – Журавль осторожная и серьёзная птица. Его просто так не возьмёшь. Здесь много полян и они с полей часто прилетают сюда на ночлег. Вот я с утра и проверю эти поляны.

– А на медведя или на волков, вы ходите, – присаживаясь рядом с охотником, спросил Вовка.

– Случалось волков бил, а медведь зверь опасный. На него один не пойдёшь, порвёт сразу. Что в книгах пишут, будто мужик в старину ходил на медведя с рогатиной, это неправда. Я в это не верю. Не каждый охотник его и с ружьём возьмёт. Чтобы взять медведя, нужно идти как минимум вдвоём и иметь полный арсенал оружия. Хорошее ружьё, это ещё не всё. Желательно пистолет для надёжности иметь, он весомей охотничьего ножа будет для мишки. Но нам запрещено их иметь. Конечно, у многих они есть, кто сумел достать. Я бы не отказался от такой игрушки, но, где его достанешь. Только у бандитов или милиционеров, а к ним я обращаться не хочу.

Вовка замер от таких слов.

«Вот и клиент, кажется, нашёлся, – подумал Вовка, – но спешить пока не надо. Нужно посмотреть еще на него. С виду вроде нормальный и приятный мужчина».

Вовка поднялся с травы, отряхнул брюки, – ладно я пойду до наших ребят. Лодки нет, рыбы, наверное, наловили. Приходите вечером на уху?

– Рыбы здесь много, но один карась, я его не особо люблю, от него тинной воняет, а прийти, я приду, но со своей добычей, – пообещал охотник.

Вовка, пришёл, когда рыбная обработка шла полным ходом. Девчонки сразу набросились на него.

– Ты зачем нас пугал? – Мы одни остались, нам страшно было.

Вовка сделал недоуменный вид:

– Когда это я мог вас пугать и как интересно, если я в лагерь ходил к врачу, а потом у охотника был долго. Вот от него иду. Он на уху к нам заглянет вечером, может даже с дичью придёт.

– Странно, что – же это могло быть. Кто – то через палатку имел с нами контакт – сказала Таня Филатова.

– Половой? – спросил Колчак и рассмеялся.

– Ненормальный что – ли, – бросила ему Танька.

– Может зверушка, какая пробежала, а вы испугались, – успокоил их Вовка. – Лиса, а может волк. Если волк, то летом они на людей не нападают, потому что сытые, а лисы эти – твари бешеные, кидаются на всех без разбора. Если укусит, дуба можно дать, – вполне серьёзным голосом объяснял им Вовка, наблюдая за их реакцией.

– Ой, мамочки, я боюсь, бросив чистить рыбу и прижав к груди руки, усыпанные чешуёй, – простонала Галя Никитина.

– Врёт он всё. Вы, что не изучили его за школьные годы? – начала утешать Никитину Надька, – будешь девчонок пугать, назначим тебя на все три дня поваром, чтобы у тебя время было не так много на разные глупости.

– Согласен готовить, но посуду мыть не буду, – сказал Вовка.

– Свою посуду будет мыть каждый за себя, а ты завтра приступай к поварским обязанностям, я тебе помогу, – откликнулась на его скорое согласие Надька.

Вовка подошёл к костру и присел на лесину, подбросив под кипящий котёл несколько коряг.

«Зачем я поехал в поход? – подумал он, – наверное, из – за Лары, зная, что она рядом будет. А с этими туристами от скуки завянешь, без своих пацанов. Эти Костя и Славка, маменькины сыночки, странно, как их родители отпустили в лес. Они, как мелом на доске теоремы чиркать, да сосиски на переменах трескать, больше ничего не могут. Славка естественно телок, потому что болеет часто, но для него этот поход, равносильно тому, что меня одного послать на Джомолунгму. Он мне в классе изрядно надоел. Женька, тот ни чего парень, с ним есть о чём поговорить и друзей моих не отвергает в школе. Но всё равно парень пока мутный и любопытный. Много вопросов задаёт и хочет, чтобы ему на них отвечали. Надька, на него засматривается, специально меня подговорила, чтобы я заманил его в этот поход, на который он с радостью согласился. Галька Никитина, – тоже ничего, никогда жадной не была, скромница и интеллигентка. Танька Абросимова, – тише воды, ниже травы, но очень сильная троечница, и палец никогда не покидает её ноздрей. Всегда радуется, когда в журнале напротив её фамилии тройка стоит. Зачем с такими способностями нужно было школу оканчивать? Ей бы вязальщицей работать, чтобы обе руки были заняты, или парикмахером. Ирка Ломакина девчонка весёлая, за парнями со скоростью гепарда бегает. Замуж, точно рано выскочит или по рукам пойдёт. Люлька Максимова и Зинка Соловьёва это две пустышки и росوماхи. Вырастут, будут, как наши дворовые бабки. Скучно, но веселье, я им устрою звонче Славкиного магнитофона. Женьку Коровина не надо бы, но как говорят за компанию, и жид удавился».

– Колчин, а здесь действительно волки водятся, – прервал его думы Фомин, никогда не называвший в классе ни кого по имени, считая, что во всём должна быть официальность, требуя, чтобы к нему обращались подобным образом.

– Наверное, – ответил Вовка, и вопросительно посмотрев на Славку, спросил:

– Фомин ты и дома родителей по фамилии называешь? Здесь же лес, тайга, болота кругом. Волков, здесь видимо, не видимо, и лешие с кикиморами обитают. Ночью обязательно услышишь, а ты официальный протокол соблюдаешь, – устрашающе проговорил Вовка.

– В доме мы все друг к другу на «Вы» обращаемся, а насчёт кикимор и леших, я полагаю, ты пошутил. Пора сказок у меня давно прошла, и тебе не мешало бы реальные вещи читать, – изрёк Фомин.

– Как тошно Фомин, иди рыбу чисти, и полагай. Не зли меня, ты думаешь, умные книги один читаешь, – отогнал его от себя Вовка.

– У тебя в обед понос, а в ужин золотуха. Лечиться надо Колчин, – сказал Фомин и обиженно отошёл от костра.

– Если бы, кто на улице, не из класса, посмел сказать такие слова мне, точно в глаз бы словил. А ты Фомин, со мной два года за одной партой сидел. Я привык к твоему убогому чванству. Ты человек не от мира сего. Поучи меня уму разуму в лесу, а я выводы завтра сделаю, – сказал Вовка.

– Ни какой я не чванливый, а воспитанный, – отходя от него, пробормотал Славка.

...Вечерело, в котёл запустили рыбу и все нужные для ухи специи. Запах разлапистых елей и ароматной ухи пьянил ребят, и они начали позёвывать.

Кроме Надьки и Вовки остальные ребята до этого в походы никогда не ходили. Для них всех процедура приготовления ухи являлось настоящим праздником. Командовала у котла Надька. Вовку она не тревожила, по причине его временно подорвавшего здоровья. Внезапно раздались сразу два выстрела.

От неожиданности все вздрогнули.

– Не бойтесь, это наш охотник уток бьёт, – успокоил всех Вовка, – к нам обещал заглянуть, так что уху всю не вздумайте приговорить, и костру не давайте потухнуть. Вечереет уже. Волки к огню, никогда не подойдут. Он бросил короткий взгляд на Фомина. Тот пере-

дёрнул своими, бесформенными плечами, так, как голова у него была почти шире плеч и, поперхнувшись, предложил:

– Ребята, а давайте ещё один костёр разожжём, или два. Дополнительный огонь я полагаю, нам помехой не будет.

Его идею все поддержали.

– Тогда идите в лес за дровами, если не боитесь, – нагонял на них страху Вовка, – а я не пойду уже темно. Мне одного костра хватит. А вы сейчас зажжёте ещё пару костров, то прощай уха. К нам на уху обязательно десант с неба свалится. Пожрут всю уху, девчонкам сделают функцию, а мальчикам пункцию, потом заставят парашюты скручивать, и после всех на фарш пустят.

– А ты тоже будешь скручивать парашют, – спросила наивная Никитина.

– А я убегу, так, как эти места знаю хорошо.

– Жди от него, скрутит он, – влезла в дискуссию Надька, – он как крот в землю залезет, или растворится как УПСА в воде. Не понимаю, почему его Колчаком зовут. Белогвардейский адмирал всё – таки героической личностью был. Даже находясь в эмиграции, он нашёл в себе силы отказать предателю Власову в пособничестве.

Одуванчик – самое приемлемое для него имя, – начала Надька посылать в Вовку словесные ядовитые стрелы. – Он только на улице отчаянный, а в классе примерным школьником был все года.

Вовка приподнялся с места, терпение его было на пределе. Он взял Надьку за руку и отвёл её за палатку. Сжав медленно, но сильно её запястье руки, он хотел ей выразить несколько слов, но не успел. Она нежно положила ему обе руки на плечи:

– Что ты мне хочешь сказать? – сменила свой колючий тон, на более ласковый разговор Надька, – явно кокетничая перед Вовкой.

Он повернул голову в сторону костра. Ребята устремили свои любопытные взгляды на них с Надькой.

– Нет у меня для тебя добрых слов, – шутя, поднося кулак к её лицу.

– Ах, значит, нет, так у меня к тебе есть, – со злобой сказала она.

– Прекрати паясничать и пугать одноклассников.

Она резко повернулась от него и пошла к костру.

– Давайте уху есть, – предложила она. – Нет, и не было, здесь никогда волков. Шутит он. Я эти места не хуже его знаю.

Фомин от радости включил свой магнитофон, откуда лилась мелодичная эстрадная музыка.

Уху разливали, каждый сам себе по потребности.

Женька Коровин вытащил к удивлению всех из своего рюкзака две бутылки медового вина и бутылку водки.

– От нашего бала осталось, – сказал он. – Желающих прошу подставить кружки.

Никто возражать против спиртного не пытался. Даже Надька, ярая противница лишних вольностей, отнеслась к этому спокойно, не произнося никаких нравоучений. Она загадочно улыбнулась и тихо, вопросительно прошептала:

– Это что, для того, чтобы волков меньше бояться?

Фомин, бросив на неё встревоженный взгляд, на который все обратили внимание, с опаской проговорил:

– Я, пить не буду. Мне противопоказано. Лучше пускай волки мной полакомятся, – и он неестественно затряс головой.

...Над его испуганной реакцией смеяться никто не стал, подобные странности за ним наблюдались и раньше. То, что он дал согласие на участие в походе, это они считали уже смелым шагом в его затворнически – футлярном образе жизни. И самое удивительное было то,

что его никто не провожал из родителей на эту поездку, как это замечалось раньше. Славку до девятого класса обязательно кто – то из близких родственников, мама или бабушка провожали и встречали из школы. Его постоянно окружала опека. Он получал тепличное воспитание и отличное образование. По успеваемости с ним могла потягаться только Крупица. Он был добродушный и безвредный, что отличало его от всех одноклассников.

После его категорического отказа испить медового вина, Фомин подошёл к палатке и на корячках неуклюже влез в неё. Через минуту он в таком же положении покинул палатку, подойдя к костру со своей бутылкой.

Потряхивая ей вниз и вверх, он, пыхтя, вполне серьёзным голосом вымолвил:

– Вы пейте свой медок, а я персональный, который мне врачи рекомендуют. Но предупреждаю весь наш коллектив, – делиться, ни с кем не буду, по причине того, что это моя обязательная трёхдневная доза.

Он налил себе в эмалированную кружку своего лекарства, но выпить не успел, из лесу послышались громкие посторонние шумы. Все обратили взоры в ту сторону, откуда раздавались эти шумы. Из зарослей вышел знакомый всем охотник, державший во рту охотничью дудку. На одном плече его висело ружьё, на втором запрокинута связка подстреленных маленьких уток, которые называются чирками. Рядом с ним опустил голову вниз вынюхивая траву, шныряла его лайка. Вбежав в круг ребят, она подошла к Коровину и, лизнув его в лицо, улеглась около его ног. Фомин отставил свою кружку на землю. Колчак, воспользовавшись отсутствием внимания посторонних глаз, в это время подлил приличную дозу вина из своей кружки в кружку Фомина. Охотник подошёл к костру, сбросил с плеча уток, и приветливо улыбаясь всем, произнёс:

– Вас всех с добрым вечером. Зажарить их можно прямо сейчас пока они тёплые.

Он снял с себя ружьё и приставил его к палатке:

– Уха у вас так аппетитно пахнет. На весь лес приятный душок разносится, она – то меня и заманила к вам на костерок. Угостите? – потирая руки, спросил он.

– Обязательно все сразу хором, – ответили ему ребята.

Девчонки посадили гостя на бревно, а Надька принялась заботливо угощать его ухой из своей посуды, так как лишней миски не было.

– Угомонись дочка, я подожду того, кто первый покушает, и поем из той посуды, – вежливо отказался он.

– Нет, вы кушайте, а я себе найду, из чего поесть, – уговаривала она его.

– У нас банка от тушёнки после обеда осталась. С неё, я и поем.

– Ну, если тебе так будет удобно, то действуй, – и он взял с её рук миску с налитой ухой.

– А медовухи вам налить? – предложил ему Женька.

– Нет, ребята, у меня завтра ответственное утро, да и самим вам тут питья мало.

– А за знакомство, грех не выпить так говорит один мой старший товарищ, – сказал Колчак.

– Ну, если жить, по теории твоего старшего товарища, то лучше жить бирюком, иначе есть перспектива спиться. У нас все в Союзе друзья и если каждое знакомство отмечать выпивкой, то можно заболеть тяжёлой болезнью. Так, что не слушай ты своего товарища. Тем более у тебя организм молодой, он растёт, и если ты с малых лет его будешь травить спиртным, то к двадцати пяти годам у тебя внутри всё сгниёт.

– Вы его не слушайте, он у нас совсем не пьёт, – вступилась за Вовку Абросимова, – он спортсмен и чемпион.

– И страшный хулиган, – громко смеясь, вставила Надька. – Чемпион по хулиганству.

Вовка не ответил на эту справедливую подковырку Надежды. В своем подсознании ему даже лестно было это слышать. Она анонсировала его при постороннем человеке, при охотнике, мужественном человеке, который, когда рос наверняка, тоже хулиганил.

«Из тихоней охотники не получаются», – так подумал Вовка, и произнёс:

– Я предлагаю поднять свои кружки за дядю охотника, которого мы знаем уже много часов, но не знаем, как его зовут.

Услышав такой тост, охотник резко оторвался от ухи, и виновато всех обвёл своим взглядом:

– Я сто раз извиняюсь перед вами. Я виноват, – нарушил этикет. Пришёл в гости и не назвался. Меня зовут Зиновий Афанасьевич, но чтобы вы язык свой не ломали, зовите меня просто охотником. В походе все должны быть равны. А вас я уже всех по вашим друг к другу обращениям запомнил. Для моей профессии феноменальная память, необходима.

Все выпили. Выпил и Фомин свой гематоген, в который Вовка добавил вина. Затем все принялись за уху.

– А кем вы работаете? – проявил интерес, весь вечер молчавший Болотин.

– Моя работа связана с медициной, – сказал охотник.

– Вот теперь у нас будет блат у хирурга или уролога, – включился в разговор Коровин.

– Я думаю, что вам со мной соприкоснуться в скором будущем не придётся. Зачем вам нужна моя работа? Вы лучше поговорите о своих перспективах, а я охотно послушаю.

– Полагаю, пора утками заниматься, – прорезался командный голос Фомина.

Он требовательно посмотрел на девчонок, – Ломакина, Максимова, Абросимова и Никитина немедленно марш потрошить дичь.

Девчонки на него удивлённо посмотрели, но команде послушались.

– Фомин, в тебя никак лесной дух вселился? – ухмыльнувшись, спросил Вовка, – ты слышал, что дядя охотник говорил, что в походе все равны, так, что вставай и шуруй в лес за валежником.

– И пойду. Думаешь, я твоих волков напугался, я обладаю астральной силой, и могу победить с большим превосходством стаю этих кровожадных хищников.

– А бороться со мной будешь, – продолжал допекать его Вовка.

– Несомненно, и безотлагательно! – И полагаю, что ты мне проиграешь с позором, но если ты окажешься на лопатках, то за дровами пойдёшь сам.

Никто не догадывался, что Фомину в гематоген было подмешано вино, поэтому смотрели на него с большим удивлением. Тихий и интеллигентный Фомин, вдруг решился сделать вызов Колчину. Надька, почувствовала, что с Фоминым творится, что – то неладное, взяла его бутылку гематогена и отпила глоток.

– Здесь, то чем меня мама в детстве поила, – с полным недоумением показала она всем.

Фомин, не унимался, он начал готовиться к схватке, раздевшись до пояса. Все увидели его худое тело и тонкие, как лыжные палки руки. В таком виде его никто и никогда из класса не видал, так, как от уроков физкультуры он был постоянно освобождён. Вовка понял, что дозировку вина он ему зависил, но вызывающее поведение Фомина подтолкнуло его к схватке. Девчонки, жалея Славку, запротестовали:

– Ты, что Колчин совсем из ума выжил, – сказала Надька, – ты профессионал, а он тяжелее ложки в жизни ничего не поднимал.

Охотник, с неподдельным интересом наблюдавший за этой сценой, взял кружку, из которой пил Славка, понюхал её. Затем достал из своей аптечки нашатырь и подошёл к Фомину:

– Слава, вы видите, против какого крепкого парня собираетесь бороться, вам надо закрепить свои силы. Вот понюхайте этот неприятный на запах препарат, он освежает и приводит в чувство голову.

С этими словами он поднёс к Славкиным ноздрям открытый пузырёк нашатырного спирта, после чего Славкино лицо перекривилось, и он сел на траву.

Все замерли, смотря на это зрелище. Славка, сидел, поджав ноги к груди, положив на них свою тяжёлую голову. Около него, припав на одно колено, стоял охотник. Он взял его за запястье руки, чтобы прощупать пульс. У походного костра стояло сумеречное безмолвие. Треск разгоревшихся дров и монотонное пение лягушек в пруду, не мешало уловить дыхание у рядом стоявших друг к другу ребят. Но Славка внезапно приподнял голову. Он смотрел на всех своим прежним добрым, спокойным лицом, которое ребятам было знакомо много лет.

– Как вы думаете, принца датского смогу я сыграть? – спросил он извиняющимся голосом у всех.

После такой разительной перемены Славкиного поведения и его заданного вопроса, ребята встряхнулись от набежавшего на них оцепенения, и, как будто договорившись звонко, и одновременно ему заплодировали.

Взяв его в круг, они начали отпускать комплименты его таланту. Один Вовка угрюмо смотрел на него и думал:

«Как этот рахит, с головой мыслителя посмел разыграть его. Ну, я тебе сегодня покажу астральную силу и кровожадных волков с гематогеном».

– Фомин у тебя, что после гепатита такой талант прорезался? – раздражённо спросил у него Вовка.

К нему вполоборота повернулся охотник, преподнося палец к своим губам. Подавая тем самым знак, чтобы Вовка молчал.

– Я вам, много чего не говорил, – продолжил Фомин. – Но я познаю не только науку, но и искусство. И как вы знаете, если я чем – то занимаюсь, то это серьёзно.

Чтобы как то отвлечь ребят охотник несколько раз ударил в ладоши:

– Знаете, ребятки, что я вам всем скажу, вы забыли про дичь. Надо завершать работу, а несостоявшимся дуэлянтам, рекомендую сходить вдвоём и собрать дровишек, а я девочкам помогу правильно и вкусно приготовить чирков, – предложил Зиновий Афанасьевич и первым приступил обрабатывать птицу, ловко обдирая перья с неё.

Вовка подошёл к сидящему на траве Славке и протянул свою руку, чтобы помочь ему встать. Славка охотно откликнулся на его жест и навстречу подал правую руку. Вовка, как тисками обхватил его руку и с молниеносной лёгкостью поставил Фомина на ноги:

– Пошли за дровами Гамлет, пока совсем не стемнело? – сказал он ему.

Фомин отряхнул штаны, подошёл к своему магнитофону, включил его и затем нераспорошно пошёл вслед за Вовкой. Войдя вглубь леса, где было намного темнее, чем у костра Славка моментально одел, на себя трусливую маску и плаксиво взмолился:

– Володя, не отходи от меня, я ничего не вижу?

Вовка, никогда не слышал из его уст, чтобы он когда – то так его называл.

Произнёс Фомин его имя с такой мольбой, что Вовке самому на секунду поверилось в существование леших и кикимор, но тут – же отбросил эту глупую мысль:

– Ты чего хнычешь? – спрятавшись за толстый ствол дерева, басовито искажая голос, проговорил Вовка. – В нечистую силу не веришь, говоришь, – более устрашающе подал Вовка свой голос. – А в графа Дракула веришь? Я есть его последователь, и иду к тебе, что – бы крови твоей сладкой испить.

После чего Вовка сложил ладони рупором, и, поднеся их ко рту, подражая филину, несколько раз искусно ухнул. В лесу наступила жуткая тишина, от которой у Вовки самого поползли мурашки по телу.

– Это, что – же получается, сам себя напугал, – прошептал он.

Отчего ему сразу стало весело. И он тогда уже своим нормальным, не искажённым голосом окликнул Славку.

Но ответа не последовало. Он знал, что Славка, дальше пяти метров от него не отошёл и находится, где – то рядом. Он ещё сделал одну попытку позвать его, но вновь тишина. Тогда Колчак начал смотреть его под деревьями, заглядывая под каждый куст. Славку он обнаружил быстро.

Он сидел под густой елью, в той же позе, в которой совсем недавно находился около костра. Вовка потряс его за плечо, тот приподнял голову. Несмотря на то, что вокруг всё было окутано густым мраком, Вовка увидел в глазах Славки не испуг, а отрешённость. Он потряс его уже посильней, как грушу за два плеча:

– Славка, ты чего, очнись, я же пошутил, – извиняющим тоном произнёс Вовка.

– Ты зачем, меня пугаешь? – спросил Фомин, – я же знаю, что это ты. Но я не боюсь, а сильно переживаю, когда со мной так поступают. Я жалею, что дружил с тобой только в школе, а не на улице. Может и, я был – бы таким же спортивным и смелым, как ты, но у меня не получалось, так – как мой досуг по рекомендации врачей был расписан родителями. В этот поход меня, правда, отпустили без всякого врача. Но я тебе безмерно благодарен, что ты подлил мне вина в кружку. Понял я это сразу, когда выпил гематоген, так – как пью его уже несколько лет кряду. Ты хотел чтобы, надо мной все посмеялись? Но я решил вас напугать. И мне это удалось. Я не обижаюсь, что ты пугал меня сегодня весь день. Буквально несколько минут назад, во мне что – то переломилось, и я почувствовал себя другим человеком. Я бы тебе ещё одну важную вещь мог сказать. Но дал честное слово, что об этом никто не узнает, тем более ты. Сегодня, я научился, как устанавливают туристические палатки. Сегодня я впервые управлял лодкой и ловил рыбу и знаю, как готовят уху. Это же много для одного дня? – Правда, Володь? – спросил Славка, – а теперь пойдём за дровами, иначе нас пойдут искать

Он бодро поднялся, и они пошли собирать дрова в зоне, где хорошо просматривался костёр.

«Вот это Славка, – подумал Вовка, – преподал мне урок человечности, может ему в действительности мои штучки – дрючки на пользу пошли. И какую интересно он мне важную вещь мог бы, сказать, за которую честное слово дал. Надо будет попытать его завтра. На сегодня с него хватит ужасов. Хотя ночь ещё впереди. Посмотрим, как он себя поведёт дальше».

...Прихватив с собой несколько коряг, они вернулись к костру, где работа по потрошению чирков шла к завершению. Вовка взял топорик и быстро расправился с корягами. Охотник посоветовал в костёр пока дрова не подбрасывать, так как для готовки, большой огонь не нужен. Кулинарные обязанности он взял все на себя.

Вовка, предложил всем перед приёмом вкусной пищи искупаться в пруду, но как выяснилось, что плавать умеют, не все. В пруд залезли Надька, Женька и Вовка.

Остальные были наблюдателями. Вовка, хорошо зная этот пруд, заплыл до середины, в надежде наловить ужей, но видимость была плохая, а луна, спряталась за тучей. И он не встретив ни одной плавающей рептилии, поплыл к берегу. Надька с Коровиным в это время отогревались у костра и вдыхали ароматные запахи жарившей дичи. Охотник, облачившись в фартук Люльки, как заправский кулинар ловко орудовал у костра, периодически переворачивая мясо и смотря на собаку, приговаривал:

– Пекись, Пекись чирок, наших ребятишек накорми под вечерок.

– А, где все остальные? – подойдя к костру, удивлённо спросил Вовка.

– Пока вы купались, мы совместно приняли решение, что я сегодня ночью буду дежурить у вашего костра и заодно с моей Лайдой охранять ваш покой будем. А, на рассвете мы вас покинем и с вашего позволения воспользуемся лодочкой, чтобы к семи утра мы уже сидели в кукушке. Вот вся ваша остальная гурьба и вызвалась сходить в шалаш принести мои вещи.

– Да они ничего не найдут, смотрите на небо. Луны нет. Вовка пальцем показал в небо. – Они леса не знают. В трёх соснах могут заблудиться, – дрожа от холода, с тревогой сказал Вовка.

– Я, им фонарик дал, думаю, минут через пять, они возвратятся. Ориентировка этой местности здесь несложная. Найдут. Они ребята уже взрослые, если вино пьют, – иронически высказал он последнюю фразу.

– Как это они решились? – пожимал от недоумения плечами Вовка, – да один только Славка, не купаясь, придёт назад с мокрыми штанами.

– Плохо ты Владимир знаешь своих товарищей, он, кстати, первым и изъявил желание сходить в шалаш. Хочу, говорит посмотреть, а то никогда не видал настоящих охотничьих шалашей. А остальных тоже любопытство разобрало, они и увязались за ним.

Он внимательно посмотрел, на никак не согревшихся ребят сидящих на корточках около углей от костра, да и те были закрыты жарившей на них дичью.

– Вот, когда вам нужно было выпивать, – после купания. Согрелись бы. А вы перед ухой всё выпили.

– Почему? Зиновий Афанасьевич, у нас ещё есть водка и бутылочка вина, – доложила ему Надька.

– Так, что же вы теряетесь, действуйте, а то, так и заболеть недолго. Вон, вы оделись, а зуб, на зуб не попадает. Давайте мне её сюда? – Я вам налью каждому по унции, – сказал охотник повелительным голосом.

Женька извлёк из рюкзака бутылку, и протянул её охотнику.

Охотник сорвал пробку, и начал разливать по кружкам водку.

– Мне, не наливайте, я не буду, – отказался Вовка, – я без спиртного в состоянии согреться.

– Не дури, парень, тебе как никому это необходимо, так – как твоё пребывание в воде было самым длительным, это может ударить по организму. Переохлаждение, может чревато отразиться на твоём здоровье. Поверь слову медицинского работника.

И он, не дожидаясь согласия Вовки, напористо вручил ему кружку с налитой водкой.

Все опустошили свои кружки, но Вовке показалось, что водки, ему охотник налил не унцию, а с явным перебором. Поставив кружку на траву, он претенциозно сказал ему:

– Вы мне Зиновий Афанасьевич, кажется, перелили, я по столько никогда не выпивал. Сейчас буду пьяным возьму ваше ружьё и пойду по совам стрелять.

– А стрелять то тебе приходилось, когда? – спросил он, продолжая переворачивать чирков.

– Из ружья нет, а вообще, то, да.

– Приблизительно я догадываюсь, из чего ты стрелял, это рогатка, самопал, лук, который сам в раннем детстве мастерил, и игрушечный пистолет, – обязательный атрибут, каждого дошкольника. Ну, может ещё пневматическая винтовка в тире, – сказал охотник. – Угадал я Владимир или нет? – спросил охотник.

Выпитая сорокоградусная водка Вовку не только согрела, но и приятно ласкала голову, и не в меру развязала язык.

Он взбунтовался от последних сказанных слов охотника и с обидой в голосе заявил:

– Почему же рогатки и игрушечные пистолетики? Приходилось стрелять и с серьёзного оружия. И даже совсем недавно.

Вовка поймал на себе любопытный взгляд Коровина.

«Наверное, догадался, почему нас в милицию с ним таскали, – подумал Вовка, – ну и пусть знает. Парень он вроде не плохой, не заложит. А от пушки я всё равно скоро избавлюсь, чтобы жилось спокойней. Захочу, подарю этому охотнику, ему он пригодится».

– В армии легче служить будет, если знаком с разными моделями огнестрельного оружия, – донесли до Вовки слова охотника. – Вот ваш возраст, чуточку не застал военного дела, а мой сын сейчас в армии офицером служит, так в школе они изучали многие виды оружия.

– Помним мы всё это, и видели, как они с винтарями вышагивали по школьному стадиону. А мы воевать не собираемся, а если что, пролетарского оружия нам хватит, чтобы врага сломить. У меня личный опыт уже имеется. И друзей у меня целая армия, кому угодно рожу начистим.

...Охотник оторвался от своего занятия, встал во весь рост и с удивлением посмотрел на Вовку.

– Да, дела, по – видимому, я в действительности тебе лишнего налил.

Надька стремглав бросилась на Вовку, опрокинув его с бревна, на котором он сидел. Прижав его своим телом к траве, она, обвив его шею своими руками, и горячо дыша в ухо, прошептала:

– Вовочка миленький, умоляю тебя, не болтай глупостей.

Вовка от такого обхождения Крупицы замер, ему было приятно, что она на нём лежит, обняв за шею. Ему в этот миг хотелось ей ответить взаимностью, так же нежно её обвить своими руками. Но он не мог понять, с чего это она проявила к нему такую странную ласку, да ещё назвала Вовочкой, и не просто Вовочка, а имя окропила самым ласковым словом в мире.

«Наверное у костра пережарилась?» – подумал он. Так его только мать называет. Он лежал, не шевеля, ни руками, ни ногами, и согласен бы, лежать в таком положении долго, но с лаем сорвалась собака навстречу возвращающемуся ребятам. Надька испуганно отстранилась от Вовки, и быстро поднялась.

Задержку на себе Надьки Колчак отметил с приятной улыбкой, что не ушло от ревностного взгляда Коровина.

– Как вы вовремя пришли, – громко воскликнул Зиновий Афанасьев. – Королевское жаркое в одно мгновение сейчас окажется на скатерти самобранке.

Они пришли довольные и весёлые, обсуждая всё до мельчайших деталей, как они нашли охотничий шалаш, как каждый посидел в нём.

– Я бы даже спать в нём согласился, так там уютно, – восторженно сказал Славка.

– Кушай чирка своего и шуруй туда спать, ещё раз тест на смелость пройдёшь, – не вставая с травы с издёвкой, проговорил Вовка.

Славка, подошёл к валявшему на спине Вовке заглянул ему в глаза. Почесал за ухом. Обычно в классе он всегда так делал карандашом.

– Странно Володя, как ты можешь так быстро меняться, буквально недавно, когда мы с тобой ходили в лес, мне показалось, что наши отношения приобретут иную окраску. Ты я полагаю, человек настроения, – без обиды произнёс Славка.

– Да никакой он ни человек настроения, он просто пьяный, накупался и замёрз. А чтобы мы не заболели ему и мне с Женей, Зиновий Афанасьевич налил водки, – робко сказала Надька.

– Я уже не пьяный, – вставая с травы, – проговорил Вовка и готов приступить к ночной трапезе.

Немногословный Болотин стоял, растопырив руки, показывая, чтобы ему помогли снять рюкзак охотника, который он нёс на себе.

Вовка подошёл к нему и помог освободиться от рюкзака.

– Зиновий Афанасьевич, а вы знаете, как распространился запах вашей дичи, – сказал Болотин, – на вес лес. Ноги нас сами несли назад, потеряться невозможно, иди и иди на запах, хотя ваш шалаш находится вроде рядом.

– Хороший у тебя рубильник, с ним ты не пропадёшь, возможно, он тебе в жизни счастье принесёт. Береги его Костяк, – зацепил уже Болотина Вовка.

– Отчасти ты правильно говоришь Владимир, большой нос – это чистые лёгкие и отменное здоровье, – внёс ремарку Зиновий Афанасьевич, – будете постарше, поймёте, а сейчас всех прошу к столу, ужин готов. Владимир, теперь смело можно подбросить дровишек в костёр, – показал он на еле тлеющие угольки. – С хорошим огнём веселее сидеть и пища лучше поглощаться будет.

Вовка в одно мгновение закидал затухающий костёр сухим хворостом, который быстро воспламенился. Румяно – обжаренных чирков ели при хорошем свете, что подарил им костёр, и под тёмным покрывалом неба. Луна где – то гуляла за нахмурившимися тучами, и пробиваться сквозь них никак не желала. Все восхищались, тем, как маленькие уточки были приготовлены, особенно усердствовал в похвале Славка. Она была у него откровенной от всей души, и это было всем понятно, так – как парень впервые в жизни ушёл от родительского надзора.

Он ко многим жизненным ситуациям относился по – философски. Этот дар у него был развит от большого количества прочитанных им книг. Иногда Вовку тошнило от его разглагольствования, и он грубо его прерывал. Вовка считал, что он не глупее Славки, но начитанность свою на публику не выставлял.

«Свои познания не всегда обязательно выносить перед публикой. Окружающие могут принять твою грамотность за унижение – об этом Вовка неоднократно Славку предупреждал. – Вот попадёшь в хорошую компанию, будешь опираться на своего Соломона, или Сократа в пятак быстро получишь», – так говорил ему Вовка.

И сейчас Славка сидел, поглощая мясо птицы, обсасывая каждую косточку, вздумал блеснуть своим умом перед Зиновием Афанасьевичем

– Вы понимаете, Зиновий Афанасьевич, всё живое на земле идёт по кругу, ни оттого, что наша планета имеет форму шара. Определённо нет. Я, это воссоединяю с цикличностью силы и слабости высших и низших организмов существующих на нашей земле. Вы понимаете?

– Слушай, вяжи, воссоединяла, – прервал его Вовка, – перед сном чепуху, какую – то несёшь. Сам спать не будешь и девчонкам охоту к сладкой процедуре отобьёшь. Да не дай бог волков ещё накличешь.

– Отчего, – пускай говорит, – вступился за Славку охотник. – Продолжай Слава? Интересно дальше послушать

Фомин быстро понял, что его занесло, не туда и моментально переключился на другую тему:

– Вот, я и говорю, что только за такие моменты в жизни стоит жить. Сидеть ночью у костра в лесу и кушать маленьких уток, которые готовились на огне. Рядом пруд.

– И мошки жрут, – моментально образовал рифму Вовка, чем вызвал весёлый смех у всех сидящих перед костром ребят. Один охотник, оставался серьёзным, думая о чём – то своём.

Славка, немного сконфузившись от такого дополнения, к его недосказанной мысли, рассеянно смотрел на Вовку до тех пор, пока не улёгся смех его одноклассников.

– Володя, но это – же не наука, а лирика и романтика, – оправдывался Славка. – Зиновий Афанасьевич, а волки здесь водятся? – неожиданно спросил он.

– Трудно сейчас ответить на твой вопрос, думаю да. В позапрошлом году у Пимена, сторожа лагеря. Дом его рядом находится, – пояснял охотник. – Когда вы шли сюда, то обязательно проходили единственный дом у пруда, он там живёт с семьёй. Так вот волки у него зарезали двух коров. Оставили бы семью из восьми человек на всю зиму без молока. Погиб-

нуть им, конечно, не дали, завод без всяких проволочек подключился к их беде, и выписали с племенного завода корову рекордистку.

Он на секунду задумался, затем из кармана достал пачку сигарет, посмотрел на всех.

– Вы разрешите мне закурить? – вежливо спросил охотник.

– Зачем спрашиваете, всё равно слова «НЕТ», вам никто не скажет. Конечно, курите, – ответил за всех Вовка.

– Я надеюсь, из вас никто табачком не балуется, – обведя всех взглядом, спросил он.

– Имеются, имеются у нас курильщики, – посмотрев укоризненно на Коровина, прошептала Надька.

– Неужели ты Владимир, – протянул он пачку сигарет Вовке, чтобы угостить его.

– Конечно, нет, – быстро отказался Вовка от сигареты. – Я своих друзей всегда отговариваю, чтобы бросали пока не поздно. Они у меня почти все курильщики. Женька сам тоже спортсмен, а никотином свои лёгкие губит. На дистанции, когда – ни будь, лёгкие откажут. Я бы может быть, тоже закурил раньше. Сам процесс курения мне нравится, но как подумаю, что табак завезли от дикарей, которые, по сей день, ходят голые, разное говно жрут, а когда его нет, то каннибализмом промышляют, скверно на душе становится. Вот если бы табак доставляли на землю, в летающих тарелках, от инопланетян, тогда бы я точно закурил.

– Да? – покачал головой охотник, – в твоём толковании есть большая правдивость, я об этом как – то не задумывался. У меня – то привычка профессиональная, мне без сигареты никак нельзя, но бросить можно.

– Слышал Коровин, это для тебя, между прочим, лекцию о вреде курения прочитал Колчин, – кокетливо укорила Надька Женьку.

– Девочки может, спать пойдём? – зевая во весь рот, предложила Ломакина, – вон Болотин давно уже в палатку залез, наверное, после такого ужина сны хорошие видит.

– Жалко звёзд на небе нет и луны. Я бы до рассвета сидел у костра, наверное, тоже спать пойду, – сказал уставшим голосом Славка.

– Радоваться тебе надо такому явлению, а не жалеть, – на сон грядущий поучал его Колчин, – волки спать бы не дали, знаешь, как они на луну воют безумно.

– Об этом факте, я читал, – осмелел Фомин. – И ты меня сегодня больше не напугаешь, так, как у нас имеется ружьё, и потому что я пошёл спать.

После чего он взял в руки бутылку с гематогеном и залез в палатку.

Его примеру последовали и другие ребята. Только Женька, взяв Надьку за локоть, повёл её к пруду. Она шла за ним, спотыкаясь, о кочки, постоянно оглядываясь на Вовку.

У костра остались Вовка и охотник.

Зиновий Афанасьевич достал из рюкзака лёгкое одеяло, разостлал его на траве у костра и прилёг, положив под голову телогрейку.

– А ты, что не думаешь идти спать, – спросил он у Вовки.

– Я, посижу с вами у костра, дровишки буду подкидывать, спать не хочется что – то. Хочу с вами на лодке съездить на охоту, возьмёте? – спросил у него Вовка.

...Развалившись, у изголовья хозяина собака, будто понимая про что они говорят, резко подняла голову и посмотрела на Вовку.

– Отчего же не возьмём, обязательно возьмём, вот и Лайда согласна, но поспать тебе немножко будет нужно, а то разбитым под утро будешь, а если не можешь уснуть, допей вино, оно как снотворное неплохо действует.

...Вовка долго не раздумывая, долил остатки медового вина в кружку и выпил, после чего к нему вернулось вновь приятное ощущение, которое было у него после долгого заплыва. Голова приятно поплыла, мрачная ночь без луны ему казалась розовой, которая ласково закрывала ему глаза. На него накатывались разные приятные мысли, и он в силу выпитого спиртного в этот миг их считал выдающимися.

«Мне ясно, что это вино творит со мной такие номера, – думал он. – Вот почему старшие употребляют его, но почему они бывают невменяемыми, выпили бы немного и хватит».

– Пойду я, наверное, пройду до Надьки и Женьки, – сказал Колчак, пытаясь встать с бревна.

– А это зачем? Ты им мешать будешь, у ребят дружба видать уже сложившаяся, – остановил его охотник. – Ты лучше приляг, возьми курточку подложи её под себя, утром я тебя разбуду.

Спать Вовке никак не хотелось. Он желал повтора объятий Крупицы.

«Женьку он отошлёт в два счёта. Ведь когда они шли к пруду, она постоянно оборачивалась на меня. Значит, не хотелось ей с ним идти, – точила эта мысль его мозг, – ладно пускай развлекаются. Как меня брат Серёга учил, – нужно всегда успевать, в некоторых жизненных ситуациях во время махнуть рукой».

Вовка сел на траву, откинувшись спиной на бревно, посмотрел в сторону охотника. Он лежал на спине с открытыми глазами, устремив свой взгляд в чёрное, как гуталин небо.

– Зиновий Афанасьевич, – окликнул его Вовка, – вы, что там Млечный путь разыскиваете? Нет его сегодня там.

– Вот и худо, что его нет, я боюсь, как бы моя охота не сорвалась. Ливня бы не было. Если откровенно говорить, то и стрелять по ним сейчас нельзя. Охота не открыта. Выходит, что я браконьер. И мои действия при скверном стечении обстоятельств могут рассматривать в суде. Но на мою стрельбу закрывает глаза местный лесник. Моя жена глазной хирург и несколько лет назад спасла его от слепоты. Много я не бью, журавлей вообще не трогаю. Обычно, две три утки, ради спортивного интереса снимешь и домой.

– А пистолет вам надо, Вальтер немецкий, – не удержался Вовка. – У меня есть, новый один раз стрелял с него. Я бы вам его подарил, но мы с другом решили его продать за умеренную цену.

Охотник поднялся со своего спальника, подтянул тело ближе к Вовке и шёпотом спросил:

– Ты это серьёзно или шутишь, если, что я и купить могу, цену только назови.

– Ей богу, правда, – заверил его Вовка, – но цену назвать не могу, надо с другом посоветоваться. Может, мы его вам вообще бесплатно отдадим. Он нам совершенно ненужен.

– А зачем же приобретали его, если он вам без надобности? – спросил Зиновий Афанасьевич.

– Мы его не покупали, а нашли, а сейчас хотим избавиться. Мне этот пистолет весь режим нарушил. Из – за него я школу запустил. Остался без золотой медали, да и спорт под забросил. В общем надо его срочно скинуть. Потому что меня на протяжении двух месяцев таскают в милицию почти каждый день. Где бы, что не случилось, все шишки на меня. А с чугунной головой не до уроков и не до спорта.

– А ты действительно спортсмен сильный? – спросил охотник.

– Я в этом году стал чемпионом Поволжья среди молодёжи и выполнил норматив мастера спорта.

– Ого, это результат весомый! Тебе не нужно отвлекаться на глупости, а непременно продолжай таранить спортивные высоты. Правда, к спорту у наших властей отношение сейчас совсем не то как прежде. Жизнь тяжеловата стала, – заключил он.

– Ничего не тяжеловато, – возразил ему Вовка, – наши хоккеисты золото никому не отдают, да и борцы скуповаты на золотую отдачу. Хотя резон в ваших словах есть. Наш стадион Водник с каждым годом умирает, и никому до него дела нет. Но я думаю это не от властей, а от руководства завода зависит.

– Это ты правильно заметил, – согласился с ним охотник, – Водник потух, раньше он собирал забитые болельщиками трибуны. Мест не было, так люди залезали на крыши домов

и смотрели футбольные матчи оттуда. Тогда было на кого посмотреть. Иван Беда, один чего только стоил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.